

Рид Майн

В дебрях Борнео

Глава I ЭКИПАЖ ЗАТОНУВШЕГО КОРАБЛЯ

Необозримая гладь океана. Утлое суденышко, затерявшееся в его волнах. Жгучее тропическое солнце, медленно катящее по небосводу свой огненный шар. И хоть бы какой-нибудь клочок земли!

Размеры и форма судна говорят о том, что это пинасса с торгового корабля. Она лишилась паруса, а весла ее неподвижно повисли в уключинах, погрузившись лопастями в воду. Грести некому. Но суденышко не пусто. В нем шесть человек пока еще живых людей и один покойник. Четверо взрослых мужчин и двое детей - мальчик и девочка. Трое мужчин принадлежат к белой расе, у четвертого кожа темно-коричневая.

Один из белых - человек высокого роста, темноволосый и с бородой. Судя по всему, это европеец или американец. Продолговатая форма лица и классическая правильность черт заставляют, однако, предполагать, что вернее последнее и что он уроженец Нью-Йорка.

Так оно и есть.

Полную противоположность ему - как общим обликом, так и по цвету волос и кожи - представляет человек, сидящий возле него. У этого ярко-рыжая шевелюра, а когда-то красное лицо его с крупными веснушками от долгого пребывания под тропическим солнцем приобрело буроватый оттенок. Подобная физиономия может принадлежать только человеку ирландского происхождения. Действительно, рыжий человек - ирландец.

Третий из людей с белой кожей очень высок, худ, как щепка, и бледен, как мертвец. Его глубоко запавшие глаза блуждают в темных орбитах. Это один из типов, не поддающихся определению; его можно принять и за англичанина, и за ирландца, и за шотландца, и даже за жителя Америки. Судя по одежде, он моряк - простой матрос.

Четвертый мужчина, труп которого лежит на дне лодки, тоже при жизни был матросом. Он умер совсем недавно, да и у живых людей такой вид, будто они вот-вот последуют за ним.

У темнокожего человека широкий приплюснутый нос, сильно выдающиеся скулы, иссиня-черные гладкие волосы и раскосые глаза. Все ясно говорит о его восточном происхождении; видимо, он малаец.

Дети, примостившиеся на корме, почти ровесники: девочке четырнадцать, а мальчику пятнадцать лет, они очень похожи друг на друга. И неудивительно: это брат и сестра.

Все люди истощены до последней степени - они совсем умирают от голода.

Мальчик и девочка лежат, обнявшись, на корме; высокий бородач сидит на одной из скамеек, бессмысленно глядя на мертвое тело матроса у его ног.

Остальные трое мужчин также смотрят на тело. Но как различно выражение их глаз! В глазах ирландца светится печаль об утрате старого товарища; малаец взирает на труп с присущей его нации бесстрастностью; а в черных орбитах человека неопределенной национальности можно прочесть страшное вожделение людоеда.

Необходимо, однако, пояснить только что описанную сцену и предшествовавшие ей обстоятельства. Тем более что сделать это совсем нетрудно.

Высокий темноробордый человек - Роберт Редвуд, капитан торгового судна, курсирующего между островами Индийского океана; ирландец - его судовой плотник; малаец - лоцман, остальные двое мужчин - матросы его экипажа. Мальчик и девочка - дети капитана Редвуда. Ему пришлось взять их с собой в плавание, потому что у них нет ни матери, ни близких родственников.

Судно капитана Редвуда, шедшее из Манилы, столицы Филиппин, в Макаassar голландскую колонию на острове Целебес - было застигнуто тайфуном и затонуло почти

посредине Целебесского моря. Экипажу корабля удалось спастись на пинассе. Но, избегнув кораблекрушения, большинство людей не миновали смерти в волнах океана; один за другим медленно гибли они от голода и жажды в ужасных страданиях, пока из целого экипажа не осталось всего-навсего шестеро, да и те больше походят на обтянутые кожей скелеты, чем на живых людей.

По мере того как люди умирали, тела их выбрасывали за борт, и тем, которые сидят сейчас в лодке, тоже недолго осталось влачить жалкое существование.

На первый взгляд может показаться странным, что юная пара на корме, оба совсем еще дети - и особенно девочка - оказались не менее выносливыми, чем самые крепкие из всех этих дюжих моряков. Но, в сущности, здесь нечему удивляться, особенно если знаешь, что в борьбе с голодной смертью побеждают наиболее молодые и что там, где сильный мужчина часто гибнет от истощения, нежный и слабый ребенок выживает.

Капитан Редвуд, пожалуй, самый крепкий из уцелевших людей. Но этим он обязан не только своему более сильному по сравнению с товарищами организму. Немалую роль играет присутствие его детей; постоянная тревога о них заставляет его забывать о безнадежности собственного положения и укрепляет в нем волю к жизни.

А если признать, что любовь действительно способна продлить жизнь человека, то, очевидно, она же поддерживает и матроса-ирландца, который, хотя и служит у капитана Редвуда простым плотником, питает к своему начальнику самую братскую привязанность. Он - старейший и самый преданный помощник капитана, и долгая совместная служба крепко сдружила старого шкипера с его матросом.

Это благородное чувство распространяется у ирландца и на детей капитана.

Что же касается малайца, то, разумеется, голод и жажда не пощадили и его, но следы страданий выражены у него гораздо слабее, чем у жителей Запада. Быть может, причиной тому бронзовый цвет кожи, из-за которого не так заметна смертельная бледность лица. Как бы там ни было, он все еще сохраняет гибкость тела и уверенность движений, и мускулы его не утратили своей упругости. Так и кажется, что он вот-вот наляжет на весла и будет грести до тех пор, пока в груди его не угаснет последнее дыхание. И если всем людям в пинассе суждено погибнуть, он, несомненно, будет последним. Первым же, судя по его взгляду, умрет человек с запавшими глазами.

Сверху, со знойного тропического неба, на эту жалкую горсточку людей, затерявшихся в необъятном океане, льются огненные потоки солнца; вокруг них, куда ни глянь, простирается водная гладь, безмятежная и сверкающая отраженными лучами солнца, словно море жидкого пламени, а под ними, глубже, в прозрачной воде, сияет как бы второе небо, в котором, словно птицы, быстро мелькают какие-то причудливые формы. Но это не птицы. Нет! Они больше походят на сказочные чудовища. Среди них можно различить отвратительного осьминога и еще более ужасную рыбу-молот.

Хрупкое суденышко будто висит между небом и землей над всеми этими страшилищами, и его отделяет от них лишь небольшой слой воды, толщиной в несколько футов, сквозь который они в любой момент могут проскочить с молниеносной быстротой и напасть на беззащитных людей. А люди! Как они одиноки в этой водной пустыне! Ни земли на горизонте, ни паруса - ничего, что могло бы дать им хоть слабую надежду на спасение.

Все вокруг - море и небо - ярко сияет, а в их душах страх и смертельное отчаяние.

Глава II РЫБА-МОЛОТ

Люди с затонувшего корабля сидели в мрачном молчании, время от времени поглядывая на лежащее у их ног мертвое тело; они были не в силах отделаться от мысли, что скоро им предстоит вот так же лежать, на этом самом месте.

Иногда взгляды их встречались, не с надеждой, а с тоской немом отчаяния.

И вот в один из таких моментов капитана Редвуда поразил странный блеск в глазах

матроса трудно определимой национальности. Ирландец, посмотревший на матроса одновременно с капитаном, тоже заметил этот блеск. Они многозначительно переглянулись.

Последние сутки матрос вообще держал себя как-то странно, и его товарищи начали подозревать, что он сошел с ума. Правда, после смерти матроса, лежащего теперь на дне лодки, он как будто успокоился и тихо сидел, опершись локтями о колени и поддерживая руками голову. Но мрачный огонь в его зловещих глазах казался еще мрачнее, когда он устремлял их на покойника.

Во взгляде этого человека таилось нечто гораздо худшее, чем безумие: то был кровожадный взгляд людоеда.

Заметив это, капитан Редвуд на минуту задумался и, кивнув ирландцу на покойника, сказал вполголоса, не желая, чтобы его услышал безумный матрос:

- А ну-ка, Муртах, похороним его, как подобает быть похороненным честному матросу. Он вполне того заслужил.

- Да, что и говорить, - откликнулся ирландец, - матрос был исправный! И подумать только, девятого парня бросаем на съеденье акулам! Из всего экипажа только и остались мы трое, если не считать малайца и детей. И если бы не ваша честь, так сказал бы я, что лучшие люди всегда вперед помирают. Вот хоть бы этот негритос! Чего ему делается! Да он еще всех нас...

Капитан, которого раздражала эта болтовня, нетерпеливым жестом оборвал ирландца. Он не столько опасался обидеть малайца, как боялся, что слова Муртаха привлекут внимание безумного матроса. Но тот, казалось, ничего не слышал или не понимал, о чем идет речь.

Редвуд шепотом объяснил ирландцу, что надо сделать:

- Я возьму его за ноги, а ты бери под мышки. Опускай в воду осторожней, без шума... Нет, нет, Сэлу, оставайся на своем месте, ты нам не нужен!

Последние слова относились к малайцу и были сказаны на его родном языке, чтобы их понял только он. Объясняясь же приказ тем, что малаец сидел позади безумного матроса и, проходя мимо, мог его потревожить и вызвать кризис, которого опасался капитан.

Малаец, очень сообразительный, прекрасно понимал все, однако не подал виду и в ответ только кивнул капитану.

Ирландец и капитан Редвуд тихонько встали и, приблизившись к телу, осторожно подняли его. И как ни слабы они были, тело не показалось им слишком тяжелым. Да тела-то, собственно, и не было, а только плотно обтянутый кожей скелет.

Положив его на край борта и слегка придерживая, чтобы оно не упало, оба немного помолчали, возведя глаза к небу, словно читая про себя молитву. А ирландец, ревностный блюститель обрядов, поднял руку и набожно перекрестился.

Потом они плавно опустили труп в воду. Послышался легкий всплеск, будто на воду шлепнулся какой-то плоский деревянный предмет. Но даже этот звук, как ни слаб он был, оказал потрясающее действие на безумного матроса.

Испутив пронзительный вопль, далеко разнесшийся над безмолвной гладью океана, он вскочил и одним прыжком очутился на том самом месте, откуда только что опустили в волны мертвое тело.

Безумец уже устремился было вперед с поднятыми над головой руками, готовый прыгнуть вслед за трупом, но то, что он увидел в этот момент под водой, заставило его отпрянуть.

Он увидел, как навстречу медленно опускавшемуся в глубь океана труп, синяя матросская рубашка которого становилась все бледней и бледней, по мере того как он погружался в голубовато-зеленую воду, приближалось вынырнувшее из мрачных недр пучины отвратительное чудище. То была самая страшная из акул Целебесского моря, так называемая рыба-молот². Хищные глаза этого страшилища торчат на огромных щекообразных наростах по бокам головы, придающих ей сходство с кузнечным молотом; отсюда и ее название.

Акула неслась так стремительно, что, когда она подплыла к трупу, оба они живое

чудовище и труп человека - исчезли на миг в чем-то похожем на голубоватый жемчужный фонтан. У наблюдавших за нею людей осталось лишь смутное представление о формах ее отвратительного тела. В сверкающем облаке блеснуло, словно молнии в туче, несколько вспышек фосфорического света, после чего на поверхности моря появились розоватая пена и пузыри.

То было невообразимо жуткое зрелище, оно длилось всего мгновение. А когда облако рассеялось, люди, напряженно вглядывавшиеся в прозрачную глубину, уже не увидели там ни человека, ни чудовища. Рыба-молот утащила свою добычу в мрачные недра океана.

Глава III АЛЬБАТРОС

При виде этого страшного зрелища ирландец, капитан Редвуд и дети в ужасе отшатнулись. Даже бесстрашный малаец, которого жизнь давно уже приучила к тяжелым сценам и кровопролитию, и тот не мог подавить смутения. Только один человек из находившихся в лодке продолжал вглядываться в воду, словно еще раз желая увидеть все происшедшее. Однако взгляд его выражал отнюдь не удовольствие от виденного, а с мрачным и зловещим упорством, будто стремясь проникнуть в глубочайшие недра океана, неотступно впивался в то место, где исчезло тело матроса. То был взгляд безумного. И если до сих пор кто-нибудь еще сомневался в его безумии, этот взгляд рассеял все сомнения. Так смотреть мог только маньяк.

Но состояние это длилось недолго. Едва остальные успели сесть на свои места, безумец издал еще более дикий, пронзительный вопль и вскочил на скамью. Вытянув над головой руки и всем корпусом устремившись вперед, он замер в позе пловца, приготовившегося нырнуть вниз головой.

Товарищи, увидев, как напряглись все его мускулы, поняли, что он хочет прыгнуть за борт.

Все трое - капитан Редвуд, Муртах и малаец - бросились к безумцу, чтобы удержать его. Но было поздно. Прежде чем кто-либо из товарищей успел к нему прикоснуться, он сделал роковой прыжок и скрылся под водой. Ни один из оставшихся в лодке не чувствовал себя настолько сильным, чтобы попытаться спасти безумца. Да и кто знает, чем бы еще окончилась такая попытка! Безумие, толкнувшее этого человека на самоубийство, могло заставить его увлечь за собой и своего спасителя. Мысль об этом принудила находившихся в лодке остановиться. Они стояли, глядя на море и ожидая, пока матрос вынырнет.

Наконец над волнами показалась его голова. Но довольно далеко, ярдах в ста от пинассы. Поднялся легкий ветер, и, пока матрос был под водой, суденышко отнесло вперед.

Несмотря на это, все явственно видели выражение его лица. Оно изменилось, как по волшебству, и вместо безумия выражало теперь не менее дикий, чем безумие, ужас перед смертью. Холодная вода отрезвила его лихорадочно возбужденный мозг, и жалобные вопли о помощи показывали, что он вполне осознал опасность, которой себя подверг.

И вопли его не были оставлены без внимания. Муртах и малаец тотчас же ринулись - вернее, рухнули на весла, а капитан бросился к рулю и схватился за румпель.

Он круто повернул пинассу и повел ее к утопающему, который, в свою очередь, плыл ей навстречу, выбиваясь из сил.

Никто не сомневался в возможности спасения матроса. Помешать этому могла лишь рыба-молот. Все, однако, надеялись, что она еще не покончила со своей последней добычей и ей не до них.

Разумеется, в океане могли оказаться и другие акулы, но за последнее время поблизости от судна люди видели только одну и думали, что именно эта акула сожрала тело их товарища.

Стараясь утешиться этой мыслью, люди из последних сил налегали на весла, и лодка, несмотря на встречный ветер, медленно, но верно приближалась к несчастному матросу.

Вот она прошла уже половину расстояния; между нею и пловцом оставалось теперь не более полукабельтова⁴. Все вокруг было спокойно: ни акул, ни каких-либо других рыб - чистое море. Только высоко в небе парила большая птица, в которой по ее изогнутым в виде турецкой сабли крыльям и мощному крючковатому клюву можно было признать альбатроса⁵. То был огромный индооксанский альбатрос, равный по размаху крыльев американскому кондору крупнейшему из всех орлов.

Но люди спешили спасти товарища и лишь мельком взглянули на птицу. Все их внимание было поглощено высматриванием акулы. Они обшаривали глазами поверхность моря и зорко впивались в его глубины, стремясь разглядеть в темно-синей пучине уродливые формы рыбы-молота.

Но акула не появлялась. Все вокруг было спокойно. И, несмотря на то что несчастный пловец теперь уже окончательно выбился из сил и жалобными воплями взывал о помощи, люди в лодке твердо верили, что успеют его спасти.

Между ними и утопающим оставалось всего четверть кабельтова.

Пинасса, шедшая на веслах, успешно преодолевала это расстояние.

Еще каких-нибудь несколько минут - и они вытащат из воды своего товарища.

- Бедняга! Он совсем пришел в себя. Мы во что бы то ни стало должны его спасти! - сказал капитан Редвуд.

Ирландец уже раскрыл было рот, собираясь подбодрить своего начальника, как вдруг раздался громкий крик Сэлу, который бросил весла и застыл на месте, будто парализованный.

Дело в том, что малаец, так же как и Муртах, сидел спиной к утопающему. Внезапно его внимание привлекла промелькнувшая над лодкой тень. Он быстро обернулся, и тут у него вырвался тот резкий крик, который прервал на полуслове Муртаха и встревожил остальных.

Следуя за взглядом малайца, все находившиеся в лодке посмотрели на небо.

Но там они не увидели ничего, кроме большого альбатроса, который теперь уже не парил, а камнем летел вниз, как сокол, устремившийся на свою жертву. Причем падение его казалось направленным не отвесно, а по круто изогнутой параболе, подобно тому, как падает метеорит, с тою лишь разницей, что птица, издававшая при полете шум, похожий на жужжание веретена, мчалась по точно намеченной траектории и ее целью была, очевидно, голова несчастного матроса.

Над океаном пронесся страшный крик, в котором слились воедино и возглас изумления и отчаяния сидевших в лодке людей, и дикий вопль ужаса обреченного на гибель матроса, и хриплое карканье хищной птицы, тут же, впрочем, сменившееся как бы торжествующим и насмешливым хохотом. Потом послышался треск сломанной кости - это альбатрос своим острым и мощным клювом, словно ядром из шестифунтового орудия, пробил череп матросу, и его безжизненное тело пошло ко дну. Оно так и не появилось больше на поверхности - по крайней мере, люди в лодке никогда его больше не видели. А сами они теперь окончательно пали духом и, опустив весла, предоставили свою лодку произволу ветра, который медленно относил ее от места рокового происшествия.

Глава IV

КРИК ДЮГОНЯ⁶

С тех пор как умер от голода девятый матрос капитана Редвуда и был убит альбатросом десятый, никто из оставшихся в живых членов экипажа не брался за весла. Слабость и отчаяние совсем их одолели. Да и к чему, в самом деле, было грести? Впереди не было видно ни клочка земли. И никто не знал, далеко ли она. Судьба людей зависела теперь от случая: если им посчастливится, судно достигнет берега, независимо от того, будут они грести или нет.

Так думал каждый, и потому, оставив в покое весла, они сидели, не двигаясь, уныло

опустив голову на грудь. И только малаец еще боролся с отчаянием, зорко вглядываясь в даль блестящими черными глазами.

Наконец длинный, душный день, бывший свидетелем гибели их товарищей, окончился, а в положении этих людей так ничего и не изменилось.

Жестокое южное солнце погрузилось в лоно вод. Наступили короткие тропические сумерки. И когда ночь окутала их своим мраком, отец и его дети преклонили колени перед тем, в чьих руках была жизнь их всех, и стали горячо молиться. Муртах провозгласил "аминь", а бронзовокожий малаец, который был магометанином, зашептал про себя молитву Аллаху. Так они делали каждое утро и вечер, с тех пор как покинули корабль и, рискуя жизнью, носились по океану.

Но в этот вечер они молились ревностнее, чем когда-либо до сих пор, потому что каждый из них думал о близком конце.

И вот ночью, на удивление всем, небо покрылось вдруг облаками, что предвещало им либо скорую гибель, либо спасение. Если поднимется шторм, волны разбушевавшегося океана могут поглотить утлое суденышко; но, если шторм будет сопровождаться дождем, они смогут набрать в лежащий на дне лодки брезент хоть немного пресной воды.

Однако дождь не пошел. Зато начавшийся еще с утра и усилившийся к вечеру легкий бриз перешел в сильный ветер. Началось что-то вроде небольшого шторма.

Ветер дул как раз в том направлении, в котором они хотели грести, пока у них были еще силы.

Это было первое мало-мальски значительное событие с момента их водворения на пинассе.

По мере того как ветер крепчал и капитан Редвуд ощущал на лице его свежее дыхание, в нем оживала слабая надежда.

То же самое испытывали Муртах и малаец.

- Парус бы теперь! - со вздохом пробормотал капитан.

- Смотри, капитан! Блезент есть - палус есть! - воскликнул Сэлу на своем ломаном английском, указывая на дно лодки.

- А правда, чем не парус? - подхватил Муртах.

- Иди, Мультах! Ты мне помогать. Мы взять весло, делать масьта. Сколо, сколо есть палус!

- Верно, Сэлу! Молодец! - ответил Муртах.

Он перегнулся за борт и выдернул из уключины одно весло. Малаец тем временем поднял брезент, развернул его и расправил.

Потом с проворством и ловкостью опытного матроса Муртах установил весло вертикально посреди лодки, воткнул его нижний конец, вместо "гнезда", меж двух шпангоутов⁷ и накрепко привязал к одной из банок. И, наконец, при помощи капитана к этой мачте был прилажен брезентовый парус со шкотом⁸. Штормовой ветер тотчас же надул парус, и пинасса помчалась, рассекая волны и оставляя за собой сверкающую фосфорическим светом струю.

Люди в лодке не знали точно, куда гнало их суденышко: у них не было компаса. Но когда ветер начал крепчать, он дул в ту сторону, где только что закатилось солнце и еще виднелась узкая полоска желтоватого света. А зная, что подобные ветры часами не меняют направления, нетрудно было догадаться, что пинасса мчится на запад.

Когда затонул их корабль, они пытались вести суденышко именно в этом направлении, зная, что ближайшая к ним земля - большой остров Борнео находится к западу от места, где это произошло.

И вот благодаря парусу они могут теперь за одну только ночь пройти расстояние, на которое потребовалось бы много дней тяжелой работы на веслах.

Стояла длинная двенадцатичасовая ночь - ведь известно, что ночь над экватором равна дню, а они были всего в трех градусах от экватора. И все это время ветер не изменял направления. Плотный и толстый брезент отлично выполнял роль паруса. Размер его,

пропорционально судну, был вполне достаточен для того, чтобы при столь свежем ветре он мог служить пинассе превосходным штормовым трайседем⁹.

У руля стоял сам капитан Редвуд. Всех радовала та быстрота, с какой шло их суденышко, и, по мере того как оно удалялось от места кораблекрушения, люди становились бодрее. За ночь прошли, вероятно, не менее сотни миль. А едва забрезжил рассвет, они услышали звук, переполнивший всех еще большей радостью. Он пролетел над мрачной пучиной моря, перекрывая шум волн и свист ветра, и был похож на человеческий голос. И хотя в голосе этом звучала смертельная тоска, им отрадно было его слушать. Он вселял в них надежду встретить людей. Как бы тяжка ни оказалась участь этих людей, возможно, подобно им самим, пострадавших от кораблекрушения, она не может быть столь плачевной, как их собственная. Эти люди, разумеется, сильнее и крепче живых скелетов в пинассе.

- Что бы это могло быть? - спросил ирландец капитана. - Уж не тонут ли они?

Прежде чем Редвуд успел ответить, над океаном снова пронесся странный звук, еще более протяжный.

- Дюгонь!¹⁰ - крикнул Сэлу, узнавший голос этого крупного морского животного по характерным для него жалобным ноткам, придающим ему сходство с человеческим стоном.

- Ты прав, - подтвердил капитан. - Это всего лишь дюгонь.

В голосе капитана слышалось отчаяние. Дюгонь, или, как его называют малайцы, морская корова, был им решительно ни к чему, а его громкий рев верный предвестник шторма - сулил новые беды.

Вот почему, признав голос этого китообразного, капитан Редвуд и Муртах бессильно опустили на сиденья, снова предавшись чувству безнадежности и отчаяния, из которого их ненадолго вывел крик дюгоня.

Только Сэлу, который лучше других был знаком с этим животным, не пал духом. Он объяснил, что, раз они слышат голос дюгоня, значит, где-то поблизости должна быть земля. Его слова вернули товарищам по несчастью покинутую было их надежду.

Едва рассвело, люди в лодке увидели на быстро светлеющем горизонте ясные очертания голубоватых гор. То был остров Борнео.

- Земля! - вырвался у всех радостный крик.

- Да, благодарение Господу, это земля! - повторил капитан Редвуд тоном глубокой благодарности.

И в то время как подгоняемая ветром пинасса быстро приближалась к земле, он преклонил колени, велел детям сделать то же самое, и вознес к небу горячую благодарственную молитву за спасение свое и близких ему людей от гибели в морской пучине.

Глава V

КОРАЛЛОВЫЕ РИФЫ

И все же некоторое время гибель казалась неизбежной. Подойдя к острову настолько, чтобы различать очертания береговой линии, они увидели длинный, белый, будто из снега, барьер, протянувшийся между берегом и пинассой на много миль вправо и влево. Путники знали, что барьер состоит из цепи коралловых рифов, возводимых крошечными морскими животными вокруг островов Индийского океана как бы для защиты этих райских садов от исступленных штурмов водной стихии. Хотя большей частью океан бывает спокоен, в нем разражаются порой страшные тайфуны¹¹, и тогда вокруг рифов, словно полчища злых демонов, с ревом беснуются мрачные волны.

Подплыв ближе, капитан Редвуд опытным глазом моряка сразу же оценил положение и понял, что пытаться проскочить рифы, идя на парусах, - значило бы рваться навстречу верной гибели. По его команде парус мгновенно спустили, и брезент занял свое прежнее место на дне лодки. Мачту, которая была сделана из весла, оставили на месте: весел и без того было достаточно. Муртах и Сэлу вооружились четверьмя из них. Редвуд стал у руля, и судно

оказалось в полной готовности к борьбе с бурунами. Капитан думал теперь уже не о том, как бы скорее пристать к берегу, - главной его заботой было уберечь пинассу от рифов, вздымавшихся перед ними белоснежным барьером и суливших верную гибель каждому, кто попытался бы к ним приблизиться.

Гребцы, изнуренные долгими страданиями и голодом, напрягали все свои слабые силы, чтобы удержать лодку в равновесии и не дать бурунам увлечь ее на рифы. То была жестокая и неравная борьба, в которой противостояли друг другу могучая стихия и слабые усилия троих умирающих от голода и жажды людей.

Но вдруг, словно тронутое их непосильной борьбой, им улыбнулось восходящее солнце, обласкав их своими первыми лучами.

Шторм тотчас же присмирел; ветер, всю ночь свистевший в ушах, как бы повинувшись велению дневного светила, успокоился, а вместе с ним улеглись мало-помалу и волны. Управлять пинассой стало гораздо легче, и, проплыв с миллю вдоль рифов, путники заметили в них более или менее безопасный проход.

Гребцы напрягли остатки сил, и лодка, управляемая со всем искусством, на какое способен опытный шкипер, повернула и пошла к этому проходу.

Опасная попытка! Несмотря на то что ветер стих, мертвая зыбь была еще высока. Огромные массы воды, обрушиваясь на коралловые рифы, с невероятным грохотом разбивались о них, вздымая фонтаны брызг, похожие на столбы водяного смерча.

Проход, к которому они устремились, представлял собой узкую полоску сравнительно спокойной воды между рифами. Да, сравнительно, ибо даже обычная, хорошо управляемая лодка не была бы здесь в безопасности. Что же говорить о громоздкой пинассе, очень мелко сидевшей в воде благодаря малочисленности своего экипажа! Так и казалось, что, несмотря на удачу, капитану Редвуду и жалким остаткам его экипажа предстоит погибнуть среди бурунов, после чего их тела пожрут ненасытные акулы, для которых эти ужасные рифы были вполне подходящим жильем.

Но случилось иначе. Капитан Редвуд смело направил пинассу в узкий проход, а Муртах и малаец отчаянно налегли на весла, зная, что от этого зависит жизнь их всех.

И вот благодаря усилиям гребцов и рулевого опасная попытка увенчалась успехом.

Через несколько секунд лодка была за барьером и плавно, будто по безмятежной глади озера, скользила к острову.

А минут через десять ее киль уже мягко врезался в песчаную отмель. Люди были спасены.

Глава VI

ГИГАНТСКАЯ УСТРИЦА

- Воды! Воды! - были их первые слова, когда они ступили на землю.

Голод-одно из величайших страданий человека; но жажда переносится еще тяжелее. Сначала трудно бывает решить, что хуже, но в дальнейшем, по мере того как голодающий слабеет, голод постепенно утрачивает остроту; тогда как жажда мучит свою жертву до конца. А у наших путников она усугублялась еще длительным голодом - ведь они почти целую неделю ничего не ели. И потому вполне естественно, что едва они почувствовали под ногами твердую землю, мысли всех обратились к воде:

- Воды! Воды!

Люди инстинктивно оглядывались по сторонам, в надежде увидеть какой-нибудь ручеек или родник. Перед ними простирался целый океан, но их так измучил вид этой необъятной массы соленой воды, непригодной для питья! Взор их устремился к лесу, отделявшемуся от океана узкой и длинной песчаной косой, концы которой уходили из поля зрения.

Немного подальше от того места, где они стояли, берег пересекала темная полоска: то ли вдававшийся в него небольшой заливчик, то ли устье реки. Вот было бы счастье, если бы

эта полоска оказалась рекой!

Малаец, самый энергичный из всех, поспешил туда; остальные провожали его нетерпеливыми взглядами.

В душах людей надежда боролась со страхом, и сильнее всех волновался капитан Редвуд. Он знал, что в этой части острова иногда месяцами не выпадает ни капли дождя; если не посчастливится найти реку или хотя бы родник, все могут погибнуть от жажды.

Вот Сэлу, подойдя к предполагаемому заливу, зачерпнул из него пригоршней и попробовал. И тотчас донесся его радостный крик:

- Айер! Айер манис! Сюнхи! - что означало: "Вода! Сладкая вода! Река!"

И как ни отраднo прозвучало для них на рассвете слово "Земля!", слова малайца, возвещавшие близость воды, были, пожалуй, не менее отрадны. Капитан Редвуд, знавший малайский язык, перевел желанные для всех слова.

Малаец назвал воду сладкой. Поистине такой она была для истомленных жаждой людей.

Все бросились к реке и, распростершись на ее берегу и погрузив лицо в воду, стали жадно пить.

Эта река спасла их от смерти, и притом во второй уже раз. В самом деле, ведь проход, которым они проникли за рифовый барьер, образовался лишь благодаря потоку пресной воды, изливаемому рекой в океан. Мадрепоры¹² не могут возводить свои коралловые постройки в пресной воде. Именно этим и объясняется существование в коралловых барьерах проходов, которые бывают иногда настолько широки, что через них свободно проплывают даже очень крупные корабли. Не будь реки, пинасса погибла бы при первой же попытке прорваться сквозь буруны.

Утолив жажду, люди с новой силой ощутили жесточайший приступ голода; каждый из них думал теперь только о том, чего бы поесть.

И снова их взоры обратились к лесу, из которого вытекала напоившая их река.

Вдруг Сэлу, увидевший что-то в море, недалеко от места, где они оставили пинассу, велел Муртаху набрать сухих веток и развести костер, а сам побежал к лодке.

Муртах, капитан и дети направились к опушке леса, в зеленых дебрях которого брала начало река.

Лес обрывался внезапно у самого края песков: его высокие и очень тесно растущие деревья вздымались огромной зеленой стеной более чем на сотню футов. Вперед выступало лишь несколько одиноких деревьев. Ближайшее из них, похожее на гигантский вяз, с очень густой раскидистой кроной, являлось превосходной защитой от солнца, которое стояло уже довольно высоко и с каждой минутой палило все сильнее и сильнее. Под сенью этого великана можно было разбить временный лагерь, пока окрепшие силы не позволят найти или построить более надежное жилище.

На земле вокруг дерева валялось много сухих веток. Собрав их в кучу, Муртах вытащил из кармана огниво и принялся высекать огонь.

Остальные с неослабевающим любопытством следили за малайцем, удивляясь, зачем ему понадобилось возвращаться к пинассе. Но еще больше удивились они, когда увидели, что, миновав лодку, Сэлу вошел в море, будто намереваясь вернуться к рифам.

Этого, однако, не случилось. Зайдя по колено в воду, Сэлу наклонился вперед, почти скрывшись под водой, и всем показалось, что он борется с кем-то, скрытым от их взора.

Не уменьшилось их любопытство и тогда, когда малаец снова распрямился, держа в руках что-то, очень похожее на огромный камень, обросший ракушками и водорослями.

- И на что ему этот камень! - удивленно воскликнул ирландец. - Смотрите, капитан! Никак он собирается тащить его сюда? Ну нет! Как мы ни голодны, а камни есть не будем. Окажись эта штука устрицей - другое дело.

- Не болтай, Муртах! - остановил его капитан, внимательно разглядывавший предмет в руках малайца. - Это вовсе не камень, а как раз то, о чем ты мечтаешь.

- Устрица? Такая большущая? Да вы шутите, капитан!

- Ничуть. Если не ошибаюсь, Сэлу нашел гигантскую устрицу.

- Какая же это устрица! В ней добрых два фута в длину и не меньше фута в ширину. Сэлу еле тащит ее. Смотрите, он даже спотыкается!

- Верно. И все же это самая настоящая устрица. Теперь-то уж никаких сомнений нет. Мне прекрасно видна форма ее раковины и крупные полосы на ней. А ну-ка, Муртах, поспеши с огнем! Есть этих моллюсков сырыми не очень приятно - у них слишком терпкий запах. Потому-то Сэлу и велел развести костер.

Муртах повинулся, и, когда малаец со своей тяжелой ношей дотащился наконец до дерева, из-под кучи веток повалил дым, и она вспыхнула ярким пламенем.

- Капитан Ледвуд, я находил это, - сказал малаец, бросая к ногам Редвуда свою добычу. - Большой устриц! Мы все будем завтракать. В раковине много мяса. Не надо ее ласкалывать, огонь будет ласкалывать.

Окружив огромного моллюска, все с любопытством его разглядывали, особенно дети.

То был странный, пластинчато-жаберный моллюск, встречающийся в Индийском океане и знакомый морякам под именем сингапурской устрицы¹³. Длина его раковины достигает иногда целого ярда¹⁴, а ширина - восемнадцати дюймов¹⁵.

Однако голод мало располагает к изучению конхиологии¹⁶, поэтому любопытство их очень скоро улеглось, и Сэлу, подняв с земли исполинскую устрицу, бросил ее в ярко пылавший костер. Сверху ее тоже закидали ветками, так что она запекалась со всех сторон. В куче раздавалось потрескивание: это обгорали прилипшие к раковине водоросли; из-под веток с шипеньем летели во все стороны брызги, а вверх, под зеленые своды листвы, вздымались пламя и дым костра.

Наконец Сэлу, которому не впервые было стряпать это блюдо, объявил, что устрица готова. Тотчас же разметали костер и багром, который Муртах притащил с пинассы, извлекли ее из пепла. Створки раковины легко раскрылись, и в их гигантских овальных чашах оказалось так много нежного устричного мяса, что его хватило бы не только на пятерых, а на целых пятнадцать человек, если бы, конечно, эти люди не были так голодны, как наши герои.

Вооружившись ножами и другими столовыми принадлежностями, которые ирландец также принес с пинассы, все живо уселись вокруг сингапурской устрицы и до тех пор не вставали, пока дочиста не выскребли обе створки раковины, а от голода не осталось и следа.

Глава VII

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Сытно и вкусно пообедав - вернее, позавтракав - запеченной устрицей, герои наши крепко уснули и проспали весь остаток дня и сменившую его ночь. Потребность в столь длительном отдыхе объяснялась тем, что голод и жажда вконец изнурили и ослабили их. И хотя спать пришлось прямо на земле, а вместо одеял прикрылись кое-какими лохмотьями изношенной одежды, сон их был безмятежен и сладок.

Впрочем, они давно уже привыкли к подобным постелям. Ведь на голых досках пинассы было куда хуже, чем здесь, не говоря уже о поджидавшей их там каждую секунду опасности. Не мешал им и холод. Правда, ночи на материке обычно свежее, чем в море, а в тропиках выдаются порой и очень холодные, но эта ночь оказалась на редкость теплой.

Таким образом, ничто не тревожило их покоя.

Утро занялось яркое и сверкающее, как почти все утра на острове Борнео. Когда люди проснулись, они почувствовали себя чудесно окрепшими и душой и телом. Эллен и Генри - так звали детей - совсем развеселились. Им захотелось побегать и осмотреть все окружавшие их чудеса: серебристый песчаный берег бухты, синее море, белые рифы, возвышающиеся над ними подобно снежному валу; светлые воды реки, в которой резвились какие-то диковинные рыбы; лес, где росли исполинские стройные пальмы и высокий копьевидный бамбук, - словом, огромное множество вещей, придающих особую прелесть пейзажу

тропических стран.

Но как ни прекрасен был вид окружающей их картины, для того чтобы наслаждаться ею вполне, им не хватало завтрака. Правда, они досыта наелись мясом гигантской устрицы, но ведь это было почти целые сутки назад; аппетит успел за это время разыгаться с новой силой. Чем бы его утолить?

Малаец снова отправился на поиски устриц, а Муртах побрел вдоль берега реки в надежде поймать несколько золотых и красных рыбок, сновавших в прозрачной воде навстречу друг другу, словно играя в жмурки, и напоминавших ему форель и лосося рек его родного Килларни. А капитан Редвуд, вооружившись винтовкой, двинулся к лесу.

Эллен и Генри остались под деревом одни. Отец спокойно покинул их, зная, что на острове нет ни львов, ни тигров. Случись им оказаться заброшенными не на Борнео, а на соседнюю с ним Суматру или где-либо на пустынном побережье Азиатского материка - например, в Кохинхине, Малакке, в Индостане, - он бы не был так спокоен; там водились тигры. На Борнео же можно было не опасаться этих свирепых хищников.

Детям, которые так долго были прикованы к своему месту в пинассе, надоела неподвижность. Да и устрица, подкрепившая их силы, вернула им юношескую энергию и живость. Им захотелось порезвиться. Поднявшись с земли, они стали бегать вокруг дерева. Но быстро утомились и начали озираться вокруг, ища, где бы присесть. Надо сказать, что для цивилизованного человека, привыкшего к стульям, утомительно сидеть на корточках, хотя это излюбленная поза дикарей. Однако им не попадалось на глаза ничего подходящего для сиденья: ни пня, ни большого камня. Бухта, как и весь берег, была покрыта лишь грядами мелкого зыбучего песка.

- Нашел! - воскликнул Генри, когда взгляд его случайно упал на раковину гигантской устрицы. - Видишь, Нелли, вот как раз то, что нам нужно!

Он нагнулся и стал отчаянно трудиться, сиюсь перевернуть одну из огромных створок раковины, лежавших впадинами вверх. Она была так тяжела, что не вполне еще окрепшему мальчику едва это удалось, да и то лишь вдвоем с Эллен, которая, видя усилия брата, начала ему помогать.

Наконец обе половинки исполинской раковины были перевернуты; получилось два удобных сиденья примерно в фут вышиной. Смеясь над невиданными стульями, дети уселись каждый на свою половину раковины и стали болтать. Вскоре, однако, их мирная беседа была нарушена неожиданным происшествием, показавшим, как опасно избранное ими для отдыха место. Сперва они не могли даже разобрать, в чем дело. Что-то вдруг сильно ударило Генри по руке и громко стукнулось о раковину, отколов от нее порядочный кусок. Он подумал было, что в него бросили камнем; но, посмотрев на руку, увидел, что рукав куртки, от плеча до локтя, разорван - вернее, изодран на полоски, будто кто-то провел вдоль него острой скребницей. Рука очень болела, а рубашка оказалась в крови.

Генри быстро и с опаской огляделся в поисках дерзкого врага; мальчик боялся, как бы из растущих поблизости кустов не выскочил страшный дикарь. И вдруг он случайно обнаружил предмет, ранивший ему руку и лежавший теперь на песке возле раковины. Это был вовсе не камень, а какой-то странный зеленый шар величиной с десятифунтовое ядро, весь, словно еж, покрытый колючками.

Мальчик сообразил, что такую штуку никто не мог бросить, хотя бы потому, что из-за острых шипов ее нельзя было взять в руки. Значит, шар упал с дерева.

Эллен поняла это еще раньше: сидя поодаль от брата, она видела, как падал этот предмет, хотя он и промелькнул с быстротой молнии. Шар был, видно, не чем иным, как плодом огромного дерева.

Рана Генри и вид разорванной куртки, не говоря уже об осколке гигантской раковины, свидетельствовали о том, что, упав этот увесистый плод мальчику на голову, он пробил бы ему череп. Несмотря на свою детскую неопытность, Эллен и Генри сразу поняли, как опасно оставаться под деревом, с которого падают такие плоды.

Дети вскочили и бросились бежать из-под предательского крова. Только оказавшись на

открытом месте, они остановились и с сожалением поглядели на свои удобные, столь поспешно брошенные ими сиденья, возле которых лежал на песке зеленый шар; потом перевели взгляд на дерево. В густой кроне его они увидели множество плодов, казавшихся издали не крупнее персиков или абрикосов. Брату с сестрой очень хотелось получше разглядеть диковинный плод, но, несмотря на мучившее их любопытство, они так и не решились вернуться под дерево. Рука у Генри разболелась и кровоточила. Нелли, увидев на его рубашке кровь, так громко вскрикнула, что ее услышали все трое мужчин. Первым прибежал Сэлу, а вслед за ним и перепуганный Муртах с капитаном.

- Что случилось? - в один голос тревожно воскликнули капитан и Муртах.

А сметливому малайцу незачем было и спрашивать. Едва увидев изодранный рукав и зеленый шар на песке, он все понял.

- Дулиан, - сказал он, указывая на дерево.

- Дуриан! - эхом отозвался Редвуд.

- Да, капитан, я, дулак, не думать лансе. Большой опасность. Дулиан падать на голова - голова хлуп, хлуп!

Последнее было ясно и без слов малайца. Куртка Генри и остаток раковины яснее всяких слов говорили о том, какой опасности подвергались мальчик и девочка, сидя под деревом. Огромный плод, упавши он на голову кому-нибудь из детей, расколлот бы ее, как пустой орех.

Глава VIII

ОБСТРЕЛ ДУРИАНА

Когда капитан и Муртах окончательно пришли в себя и поняли причину тревоги, ирландец первым бросился к дереву. Подбежав к злосчастному плоду, он наклонился и смело протянул к нему руку. Малаец не проронил ни звука, чтобы предостеречь Муртаха. Сэлу обозлила та самоуверенность, с какой ирландец взялся за дело, в котором ровно ничего не смыслил и которое даже самому Сэлу казалось не таким уж простым. Вот почему он молча наблюдал за самонадеянным Муртахом, со злорадством ожидая развязки.

Муртах уверенно схватил колючий плод, но лицо его тотчас же исказилось гримасой боли, будто он коснулся раскаленного железа.

- О-о-ой! Больно! - завопил он. - Эта штука вся утыкана шипами, и ухватиться-то не за что!

- Белегися, Мультых! - крикнул Сэлу. - Велх смотли. Дулиан ласколоть твой голова.

Ирландец понял предостережение и, взглянув вверх, с воплем кинулся прочь из-под дерева.

Тогда малаец, очень довольный своей победой, быстро шмыгнул на место Муртаха. Подняв глаза вверх и глядя, как бы ему на голову не упал еще такой плод, он сильным ударом заостренной палки выкатил дуриан на открытое место. Затем просунул острие своего ножа между густыми шипами и расколлот шар, обнажив содержащуюся под его кожурой мякоть цвета сливочного масла.

К сожалению, мякоти было слишком мало, чтобы ею могли насытиться пятеро голодных людей. Да и сытые люди, отведав этого вкуснейшего из плодов, захотели бы поесть его еще и еще... А ведь наших героев отнюдь нельзя было назвать сытыми, им очень хотелось есть. Но есть было нечего: все трое вернулись с пустыми руками. Правда, они видели на дереве множество зеленых шаров дуриана, но дотянуться до них было так же трудно, как в известной басне лисице до винограда.

Ствол дуриана на целых семьдесят футов от земли совершенно гладкий: ни веток, ни сучков, ни каких-либо наростов, которые могли бы служить опорой для ног. И все-таки, если бы не крайняя слабость от перенесенного голода, Сэлу непременно вскарабкался бы на дерево. Но сейчас он не мог.

Чего-нибудь поесть было все-таки необходимо: дичи, рыбы, устриц - все равно, только

бы поест. Но где их взять? Раздобытая Сэлу устрица была, видно, чисто случайной находкой; он сомневался, удастся ли ему отыскать еще такую.

Вкусный дуриан послужил бы не только приятной, но и питательной пищей, если бы они придумали, как достать его плоды.

Некоторое время все стояли в раздумье. И тут капитана осенило. Он вспомнил о сцепленных ядрах и подумал, нельзя ли воспользоваться этим методом стрельбы, чтобы сбивать с дерева дурианы.

Сказано - сделано. Кроме винтовки, с которой он ходил в лес, у него был в пинассе большой корабельный мушкет. Капитан велел его принести и, зарядив двумя пулями, скрепленными друг с другом прочной просмоленной бечевкой, выстрелил в самую гущу плодов. Выстрел произвел в чаще ветвей настоящее опустошение, и на землю свалилось пять или шесть огромных плодов. Редвуд выстрелил еще раз. Теперь под деревом лежало уже штук двенадцать плодов. Такого количества хватит на целые сутки.

Подобрав сбитые плоды, их перенесли под другое росшее поблизости дерево, ветви которого не таили в своей густой листве таких вкусных и опасных плодов, как дуриан.

Туда же перетащили и весь скарб из пинассы, решив разбить здесь более основательный лагерь.

Было очень тепло, поэтому разводить костра не стали; тем более что спелые дурианы едят сырыми.

И вот, пока все завтракали этими вкусными плодами, Сэлу рассказал о них интересные вещи.

Не стану повторять его рассказ слово в слово - вряд ли кто из читателей понял бы своеобразный жаргон малайца, - а предлагаю взамен описание этого редкого и ценного плода, составленное мною как на основании рассказа Сэлу, так и других источников.

Дуриан - одно из самых высоких лесных деревьев. Внешне это дерево напоминает вяз, но, в отличие от вяза, у него гладкая чешуйчатая кора. Дуриан встречается почти на всех островах Малайского архипелага и не прививается ни в какой другой части земного шара. Это, очевидно, и является причиной его малой известности.

Другой не менее важной причиной является то, что вполне зрелые плоды слишком нежны и не выносят длительных перевозок. Форма плодов почти шарообразная, цвет - зеленый, а величиной они с самый крупный кокосовый орех.

Поверхность шаров густо усыпана толстыми и очень твердыми шипами, шестиугольные основания которых плотно прилегают друг к другу. "Колючий панцирь" надежно защищает дуриан, и, если стебель, на котором он висит, обломлен у самого плода, дуриан невозможно взять в руки, не исколов до крови пальцев. А кожа его настолько упруга и крепка, что дуриан не разбивается и не сплющивается, с какой бы высоты он ни упал. Плод состоит из пяти долек, линии соприкосновения которых чуть заметно обозначены на его кожуре. Умело просунув лезвие ножа между шипами, по этим линиям можно разрезать плод на пять равных частей. Дело это требует, однако, известной силы и навыка. В шелковистой белой оболочке долек содержится сочная мякоть цвета сливок и несколько семян величиной примерно с орех каштана. Очень трудно дать представление о вкусе и аромате плодов дуриана. Известный охотник-натуралист мистер Уоллейс описывает их так:

"Лучшее представление о вкусе дуриана дает, пожалуй, ароматный заварной крем с миндалем. К этому основному запаху примешивается целый букет ароматов: тут запах и сливочного сыра, и лукового соуса, и черного хереса, и множества других вещей. Мякоть плода отличается какой-то особой, свойственной только ему, скользкой клейкостью, что делает вкус его исключительно нежным. Дуриан ни сладок, ни кисел, он даже не слишком сочен, но, когда его ешь, не замечаешь, чтобы ему недоставало какого-либо из этих качеств. Вкус дуриана превосходен именно таков, каков он есть; чем больше вы его едите, тем больше вам хочется его есть; и сколько бы вы ни съели, у вас не будет ни тошноты, ни других неприятных явлений. Съесть первый раз дуриан - значит получить совершенно еще не изведенное ощущение. А ради этого, право же, стоит съездить на Восток!

Вполне созревшие плоды падают на землю. Тогда-то их лучше всего и есть: полежав некоторое время на земле, они утрачивают излишнюю терпкость. Недозрелые плоды, приготовленные соответствующим образом, прекрасно заменяют овощи, а даяки¹⁸ едят их и незрелыми, тоже в сыром виде. При хорошем урожае дурианы засаливают в глиняных кувшинах и бамбуковых сосудах и таким образом сохраняют иногда в течение целого года; плоды приобретают за это время столь ценный европейцами аромат. У даяков соленые дурианы служат любимой приправой к их неизменному рису. В лесах Малайского архипелага произрастают две разновидности дикого дуриана; их плоды значительно мельче; у одной из этих разновидностей мякоть оранжевого цвета. Неправильно было бы утверждать, что дуриан - лучший из фруктов; он ни в коем случае не может заменить таких кисло-сладких плодов, как апельсины, виноград, манго и мангостан, живительный сок которых действует столь благотворно и освежающе. Но в качестве вкусной пищи он незаменим. Если бы мне предложили назвать двух представителей растительного мира, каждый из которых заключал бы в себе все достоинства своего класса, я, не задумываясь, назвал бы апельсин и дуриан.

Дуриан - опасное дерево. Когда его плоды созревают и начинают опадать, случается, что они ранят проходящих или работающих под деревом людей. Нанесенная упавшим дурианом рана ужасна: кроме того, что сам по себе удар тяжелого плода очень силен, его твердые шипы до крови раздирают кожу. И все-таки эта страшная рана редко является причиной смерти: обильная потеря крови спасает от возможного в таких случаях воспаления.

Один из вождей племени даяков рассказывал мне, как однажды его сильно ранил упавший ему на голову дуриан; он был уверен, что скоро умрет - так тяжело было ранение. Но рана быстро зажила, и он поправился.

Не только коренные жители Малайского архипелага, но и поселившиеся там иностранцы считают дуриан лучшим, то есть вкуснейшим из плодов. Путешественник Луишотт еще в 1599 году писал, что дуриан превосходит по вкусу все известные ему плоды. А другой столь же знаменитый путешественник, доктор Паладенус говорит: "Плоды этого растения сочны и очень приятны на вкус. Людям, впервые увидевшим дуриан, сначала кажется, что он пахнет прелым луком; но, едва отведав его, они уже не хотят есть ничего иного. Туземцы всячески превозносят это растение; они дают ему громкие имена и слагают о нем хвалебные песни"¹⁹.

Глава IX ГАВИАЛ

Покончив с дурианом, капитан Редвуд, Муртах и малаец снова отправились на поиски пищи. Необходимо было добыть к обеду мяса, рыбы, птицы - словом, чего-нибудь более существенного, чем сырые плоды.

Каждый из мужчин пошел тем же путем, что и раньше, до случая с дурианом: Редвуд - в лес, Муртах - вверх по течению реки, а Сэлу - по берегу залива. В руках у малайца была заостренная с одного конца бамбуковая палка, которую он время от времени втыкал в песок, чтобы узнать, нет ли там устрицы.

Генри и Эллен опять остались одни. Только теперь они уже не сидели под деревом. Отец велел им выкупаться. И это в самом деле было необходимо ведь они так долго лежали в грязной лодке, томясь под зноем тропического солнца. К тому же купанье прекрасно восстанавливает здоровье и укрепляет тело. Генри стал купаться поближе к морю, а Эллен, которой нравилась прозрачная вода и мягкое песчаное дно реки, вошла в воду неподалеку от места, где они сидели. "Безопасней", - подумала она. Сюда не достигали волны прибоя, и течение реки тут было гораздо спокойнее. Однако мы сейчас увидим, что безопасность оказалась мнимой. Едва охотники разбрелись, как безмятежный покой знойного полудня был нарушен пронзительным криком, который далеко разнесся в безмолвии острова и, докатившись до леса, резко оборвал пение крылатых его обитателей.

Услышал этот крик и капитан Редвуд, бродивший с винтовкой по лесу, высматривая дичь среди густых ветвей; услышал его и Муртах, сидевший с удочкой на берегу реки; и Сэлу, зашедший по колени в воду; и Генри, плавно покачивавшийся на волнах морского прибоя. Но особенно громко прозвучал этот крик в ушах Эллен, потому что кричала она сама. То был крик смертельного ужаса.

Услыхав его, все тотчас же побросали свои занятия и опрометью кинулись туда, где оставили Эллен.

Через несколько секунд мужчины и мальчик подбежали к берегу, и то, что они увидели, заставило содрогнуться от ужаса их полные отваги сердца.

Посредине реки, ширина которой достигала в этом месте ста футов, стояла Нелли. Видно, у берега ей показалось слишком мелко. Вода была девочке по самую шею, на поверхности виднелась лишь ее голова. А напротив нее торчала другая голова - огромная голова страшилища, похожего на гигантскую ящерицу. Это было пресмыкающееся из породы крокодилов, которое, покинув заросли тростника на противоположном берегу, быстро несло навстречу перепуганной девочке. И неудивительно, что при виде этой страшной длиннорылой головы с широко разинутой пастью Нелли не могла подавить крик ужаса.

Весь вид чудовища говорил о его намерении проглотить свою жертву.

- Гавиал! - крикнул Сэлу, увидев огромное тело гигантского крокодила, достигавшее целых двадцати футов в длину.

- Гавиал! - повторили в один голос капитан и Муртах. Оба прекрасно знали, что представляет собой плывущее к девочке чудовище.

Голова животного имела не менее ярда в длину, и почти всю ее занимали огромные челюсти, на верхней из которых торчала большая продолговатая шишка - характерное отличие от других видов пресмыкающихся этого отряда.

Когда встревоженные криком люди подбежали к берегу - а прибежали они туда почти одновременно, - между гавиалом и девочкой оставалось не более двадцати ярдов. Гибель ее казалась неминуемой...

В первый момент, заметив грозящую ей опасность, Нелли попыталась бежать. Но неосторожность завела ее слишком далеко от берега, а страх совсем сковал силы; сделав несколько движений, девочка отказалась от своей попытки и, стоя по шею в воде, издавала отчаянные вопли.

Что делать? Еще несколько секунд - и огромные челюсти схватят хрупкое тело ребенка...

Несчастный отец беспомощно стоял на берегу, всем своим видом являя живое воплощение горя. Крохотная, с горошину, пуля его винтовки причинила бы этой чудовищной голове не больше вреда, чем капля дождя или града. И даже в том случае, если бы капитану удалось попасть гавиалу в самый глаз, он и тогда вряд ли отказался бы от столь близкой добычи. Таким же беспомощным чувствовал себя и Муртах со своей удочкой, не говоря уже о Генри; у этого не было не только оружия, но даже платья на теле: он купался и, услышав крик сестры, так и прибежал голышом.

Оставалось одно: броситься между гавиалом и девочкой и защищать ее, рискуя собственной жизнью. Так они и собирались уже сделать, но в самый последний момент их остановил громкий возглас малайца, который до сих пор казался совершенно безучастным. Поняв, что Сэлу что-то придумал для спасения Эллен, все остановились; трудно было догадаться, что именно хочет он сделать. Единственным оружием малайца была оставшаяся накануне от костра бамбуковая палка, которую он заострил, уходя сегодня на поиски устрицы. Вряд ли это можно было назвать оружием...

Сэлу еще издали увидел приближающегося к девочке гавиала; он выхватил нож и, заточив на ходу второй конец палки, бросился в реку с этим жалким подобием оружия.

Не успели оставшиеся на берегу прийти в себя от изумления, как малаец уже вынырнул между гавиалом и Эллен, а в следующее мгновение его черная голова с длинными

лоснящимися волосами появилась у самой пасти чудовища. Потом голова опять исчезла, и на поверхности показалась коричневая рука с бамбуковой палкой. И тут произошло нечто странное: палка молниеносно оказалась в самой пасти гавиала; тот завертелся, забил хвостом по воде и, описывая самые невероятные зигзаги, отскочил в сторону. Тогда из пенящихся, взбаламученных вод снова появилась голова Сэлу, на этот раз рядом с Эллен. Сметливый и отважный спаситель помог девочке добраться до берега и живую и невредимую вручил отцу.

Гавиал между тем все бесновался, мутя воду мощными ударами своего длинного и подвижного, как у ящерицы, хвоста; и прошло не менее получаса, пока течение реки снова приняло свой безмятежно спокойный вид. Распорка, вставленная ловкой рукой малайца в пасть чудовища, не давала ему сомкнуть челюсти; глотка его наполнилась водой. Гавиал захлебывался, и конец его был неизбежен...

И действительно, наблюдавшие с берега люди вскоре увидели, как труп этого огромного пресмыкающегося несетя вниз по течению реки ко всепоглощающему океану, где его сожрут ненасытные акулы или какие-нибудь другие чудовища, еще более отвратительные и хищные, чем был он сам, хотя и трудно вообразить что-либо хуже гавиала. Это пресмыкающееся - самый безобразный из крокодилов и аллигаторов и отличается от них целым рядом характерных особенностей.

Так, например, у него исключительно узкие, длинные, сдавленные с боков челюсти, а голова имеет форму вертикального четырехгранника. По количеству зубов гавиал превосходит нильского крокодила, хотя и этот последний обладает изрядным количеством орудий разрушения.

Гавиал легко передвигается в воде благодаря своим перепончатым задним лапам.

Чудовище, напавшее на Эллен, было примерно двадцати футов длины, но встречаются и более крупные гавиалы, длина которых достигает восьми девяти ярдов.

Капитан Редвуд сердечно поблагодарил Сэлу за спасение дочери, от души сожалея, что ничем не может вознаградить своего верного спутника.

Глава X

СОРНЫЕ КУРЫ

Как ни вкусны были дурианы, все же стол из одних этих плодов не мог считаться полноценным. Так думал Сэлу, и Муртах был вполне с ним согласен. Ирландец заявил, что, если бы понадобилось, он мог бы питаться одной картошкой, но предпочел бы, конечно, хоть небольшой кусок ветчины или солонины.

Точно так же думали и остальные. Кусок мяса - все равно, соленого или свежего - был необходим, чтобы окончательно восстановить силы.

Но где его взять? Лес казался необитаемым. Капитан Редвуд пробродил больше часу, и за все это время ему не попалось ни одного животного, даже птицы. Правда, река изобиловала рыбой, и в песке отмели, несомненно, были устрицы, но Муртаху и Сэлу так и не удалось раздобыть ни того, ни другого.

Люди стосковались по мясной пище и с сожалением подумывали об упущенном гавиале; из его мяса можно было бы приготовить жаркое - пусть бы и не очень вкусное, но вполне съедобное.

Обескураженные неудачной охотой и все еще чувствуя слабость, капитан и его спутники никуда уже в этот день не пошли, а остались под деревом.

За ужином, состоящим все из тех же дурианов, Сэлу заговорил о яйцах. Товарищи внимательно прислушивались к его словам. В самом деле, если бы им удалось найти хоть несколько яиц, у них была бы вкусная и питательная еда.

Только где их найти? Этот вопрос очень занимал ирландца, который охотно съел бы сейчас целую дюжину яиц в любом виде: вареных, печеных, зажаренных на сковородке и даже, как он сам выразился, прямо из скорлупы - сырых.

- Яйца! - с усмешкой воскликнул он, когда Сэлу завел о них разговор. Хотел бы я хоть

взглянуть на них! Да я съел бы сейчас целую корзинку этих самых яиц, будь они хоть лебединые!

- Яйца, много яйца! Блиско, блиско! Надо искать.

- Да что они тебе приснились, что ли?

- Нету, не плиснись, Мультах. Ты слихать, этот нось клисяла мали? Весь нось клисяла!

- Мали? А что это такое?

- Большой птица, похос на индейка. Сэлу слысал его. Клисял, как селовек, котолый умилать.

- Постой, постой! Я тоже слышал какой-то крик. Я еще подумал, что, может быть, это бенши²⁰. Ах, так это птица! А какой толк от ее крика! Она ведь не крикнула нам о том, где ее гнездо!

- Гнездо блиско. Мали делать свой гнездо на белег моля. Завтла я его находить.

Действительно, накануне ночью все слышали странные жалобные крики, доносившиеся со стороны океана. Капитан, которому этот голос был незнаком, подумал, что кричит какая-нибудь из гнездящихся на острове морских птиц; он не предполагал, однако, чтобы гнездо оказалось так близко.

Едва проснувшись утром, он отправился со своей винтовкой на берег, в надежде подстрелить к завтраку хотя бы несколько чаек, но вернулся ни с чем. На берегу не оказалось даже этих птиц.

И вот Сэлу объяснил, что птицы, которых они слышали ночью, вовсе не морские, а живут влесу; на берег же выходят только в период гнездования. Потому-то их крик со стороны моря - верный признак того, что где-нибудь поблизости есть гнезда.

Малаец не кончил еще рассказывать, как вдруг все увидели то, о чем он говорил: большую стаю птиц - штук пятьдесят. И увидели их не на ветках деревьев и не в воздухе, а на берегу залива, где они вышагивали по песку со степенной деловитостью домашней птицы, шествующей к только что засеянному полю и время от времени останавливающейся, чтобы склевать случайно оброненные на землю зерна. Размером птицы были с курицу-кохинку, а их гребешки, торчащие вверх хвосты и пестрое оперение, в котором сочетались глянцево-черный и чуть розоватого оттенка белый цвета, придавали им большое сходство с самыми обыкновенными курами. Они принадлежали к отряду птиц, очень близкому к куриным и распространенному в Австралии и на некоторых островах Австрало-Малайского архипелага, где отряд куриных отсутствует. В отряде несколько видов; одни из них, такие, как австралийский ястреб, очень похожи на индейку, другие напоминают обычных кур, третьи имеют сходство с различными породами фазанов. У этих птиц своеобразный способ выводить птенцов: они откладывают свои яйца в кучи, которые специально для этого наскребают из всякого сора, и оставляют их там вплоть до вылупления птенцов, за что и получили название сорных. У различных представителей отряда сорных кур способы высиживания птенцов кое в чем отличаются друг от друга, но суть их одна и та же. За большие, хорошо приспособленные для рытья лапы с длинными крючковатыми когтями естествоиспытатели называют этих птиц большеногами.

В Австралии, где большеноги также распространены, встречаются иногда огромные кучи-гнезда, достигающие порой пятнадцати футов высоты и шестидесяти в окружности у основания.

Большеноги - это крупные, тяжеловесные птицы, с длинными, толстыми ногами и пальцами, неуклюже передвигающиеся по земле и очень нескладные в полете. Как мы сейчас увидим, способ устройства гнезда у большеногов несколько иной, чем у австралийского ястреба, хотя в основном он остается тем же.

Они строят свое гнездо так: описав на земле своими когтистыми лапами большой круг, птицы начинают ходить по этому кругу, сгребая внутрь его все, что попадает им под ноги, - сухие листья, веточки, траву и прочий сор. Прodelав, таким образом, один круговой обход, они принимаются за другой и так, постепенно сокращая круги, доходят до центра. В результате получается большая, круглая, прекрасно расчищенная площадка, посреди которой

возвышается низкая, неправильной формы куча. Тогда птицы, продолжая ходить вокруг этой кучи, постепенно уменьшают ее диаметр, причем она растет в высоту, образуя большой конусообразный холм.

На вершине холма птицы делают углубление примерно фута в четыре, в которое откладывают яйца. Засыпав яйца сверху тем же сором, птицы предоставляют их воздействию солнечных лучей и тепла, возникающего внутри кучи при гниении сора. На этом, однако, их родительские заботы не кончаются. Самец, обладающий поразительным инстинктом улавливать малейшие колебания температуры воздуха, все время наблюдает за кучей, поддерживая в ней нужную для высиживания птенцов температуру. Он по нескольку раз в день то заваливает яйца толстым слоем листьев, то почти обнажает их.

Не кончаются заботы отца и после того, как птенцы вылупятся, потому что целых двенадцать часов они продолжают сидеть в куче и, даже начав бродить по земле, возвращаются на ночь в свое гнездо, где отец каждый раз снова засыпает их листвой, только уже не таким плотным слоем.

Интересно, что на самой вершине кучи всегда оставляется почти цилиндрическое отверстие - "труба" - для притока свежего воздуха и выпуска из нее образующихся при гниении газов.

В каждое гнездо откладывается обычно несколько дюжин яиц. Яйца эти, превосходные на вкус, любят как туземцы, так и белые люди.

Австралийский ястреб, подобно всем куриным, очень любит рыться в пыли, и в том месте, где птица роется, остаются ямки. По этим-то ямкам охотники за яйцами и находят гнезда.

А теперь вернемся к большеногам острова Борнео, появление которых так заинтересовало капитана Редвуда и его спутников.

Как мы уже говорили, птицы появились внезапно, выйдя из-за отрога скрывавшего их до сих пор песчаного холма. Это было семейство отряда куриных, известное под именем малео, или, на языке Сэлу, - малей. Не замечая наблюдавших за ними людей, которых скрывала густая тень развесистого дерева, птицы продолжали спокойно заниматься своим делом. Да, именно делом. Это было заметно с первого взгляда. Хотя то одна, то другая из птиц останавливалась, чтобы склевать случайно подвернувшегося червяка, былинку или зернышко, каждый, взглянув на них, сразу понял бы, что цель их прогулки заключается вовсе не в поисках пищи.

По временам какая-нибудь из птиц вдруг отделялась от стаи и быстро неслась куда-то в сторону; затем, так же внезапно остановившись, она озиралась вокруг, будто исследуя почву, и кудахтаньем созывала остальных. Стая со всех ног сбегалась на призыв, и тут поднималось такое кудахтанье, словно обсуждался какой-то исключительно важный вопрос их общего благополучия.

Капитан и его спутники обратили внимание на то, что птицы, переводящие за собой с места на место всю стаю, кое в чем отличаются от прочих. Так, например, их гребнеобразные наросты на голове и бугорки по обеим сторонам клюва были крупнее, чем у остальных, красные пятна на их лишенных перьев щеках - более густого и сочного оттенка, а оперение - глянцевей и ярче; розовато-белые части его были у этих птиц окрашены в чисто розовый или розовато-оранжевый цвета. Очевидно, то были самцы или, как их принято называть, петухи. Отличие от кур выражалось у них, однако, не столь резко, как у нашей домашней птицы, и его можно было заметить лишь на очень близком расстоянии.

Птицы находились ярдах в двухстах от наблюдавших людей, и судя по направлению, в котором они передвигались, нельзя было ожидать, что они подойдут ближе. Поэтому капитан Редвуд взялся за мушкет, собираясь послать в стаю несколько пуль.

Но Сэлу шепотом остановил его:

- Не надо стлелять, капитан! Птица далеко. Твой пломахнуться. Давай подоздать - они хотят искать место для яиц.

Редвуд послушался и отложил ружье. Все стали молча наблюдать за птицами, которые

как ни в чем не бывало продолжали бродить по берегу, перескакивая с места на место.

Вот они очутились на ровном пространстве, куда не достигали волны прибоя и песок был совершенно сух. Тут по команде одного из петухов, величественная поступь и особо яркое оперение которого говорили о том, что это вожак, куры остановились. Последовало более длительное, чем на других местах, совещание, и, когда оно окончилось, птицы уже не побежали на поиски нового места, а уселись на песке и стали рыть его своими большими когтистыми лапами. Песок так и летел во все стороны, окутывая всю стаю густым облаком. Забава продолжалась почти полчаса. Да это была и не забава. Когда она окончилась, наблюдавшие из-за дерева люди увидели на том месте, где сидели птицы, яму, настолько большую и глубокую, что, если бы туда вошла вся стая, более половины ее скрылось бы от зрителей.

Потом притаившиеся за деревом люди увидели, что вокруг ямы началось какое-то движение; одни птицы торопливо входили в нее, другие выходили, будто выполняя какую-то общепользную работу, но в яме их все время оставалось по несколько штук. По более скромному их оперению было ясно, что это куры. А петухи, гордо подняв хвосты и церемонно выступая, расхаживали вокруг ямы, всем своим видом изобличая виновников торжества.

Странная сцена длилась уже часа два, и Сэлу все время уговаривал своих спутников не нарушать ее, обещая, что они будут щедро вознаграждены за терпение.

В заключение своей таинственной работы птицы снова стали рыть песок вокруг ямы; только теперь он летел обратно в нее. И не успели еще рассеяться облака пыли, как началось прямо-таки паническое бегство пернатых. Большегодики разделились на небольшие партии - по две, по три птицы в каждой - и удирали кто куда. Одни неслись прямо по ровному песчаному берегу, другие, неуклюже хлопая крыльями, взлетели и помчались к лесу.

- А тепель будем полусять плата за телпение! - радостно сверкая блестящими черными глазами, сказал Сэлу. - У нас есть яйца малей. Самый холосый яйца! Вкусней, сем дулиан.

Прятаться уже не надо было; все поднялись с земли и побежали туда, где только что трудились птицы.

Там они увидели совершенно ровное место - никаких следов ямы. И если бы не более яркий цвет недавно перерытого песка с чуть заметными следами когтей на нем, никто не поверил бы, что здесь была вырыта и вновь засыпана птицами, похожими на домашних кур, огромная яма. Сэлу и Муртах сбегали к пинассе и притащили оттуда два весла; орудуя ими, как лопатами, они раскопали рыхлый песок. В яме оказалось три дюжины яиц красновато-кирпичного цвета и обычной продолговатой формы - с одним тупым и другим конусообразным концом. Самым замечательным в этих яйцах был их огромный размер по сравнению с телом птиц, которым они принадлежали. Птицы были не крупнее кур, а яйца - не мельче гусиных.

Муртах, неловкий, как все ирландцы, нечаянно разбил одно яйцо; его содержимое вылило в жестяную кружку, объемом не менее чайной чашки, и оно заполнило ее до самых краев.

Яйца подоспели как нельзя более кстати; да и по вкусу они были превосходны, ничуть не хуже куриных, а может быть, даже вкуснее и напоминали яйца индейки или цесарки. Целую дюжину их приготовили тут же на завтрак; одни сварили, из других сделали яичницу, пользуясь вместо кастрюли и сковородки створками гигантской раковины.

Так изголодавшиеся люди нашли наконец возможность сменить свой фруктовый стол. У них получилось нечто сходное с обычаем древних римлян²¹, только в обратном порядке. Впрочем, некоторые из современных народов - испанцы, например - именно так и едят.

Глава XI ЛАНУНЫ

Устрица значительно подкрепила умиравших от голода людей, дурианы явились

прекрасным десертом, но, только поев яиц, они ощутили новый прилив бодрости, и к ним вернулись утраченные силы.

Первым это почувствовал Муртах; он тут же громогласно заявил, что готов на любую работу. Да и остальные вновь воспрянули духом и принялись оживленно обсуждать вопрос, как бы поскорее выбраться из этой, по-видимому, необитаемой части острова, который, хотя и оказался гораздо гостеприимней, чем они думали вначале, все же совсем не годился для постоянного жилья. Капитана Редвуда нисколько не привлекала мысль стать вторым Робинзоном Крузо. Точно так же как Сэлу и Муртах отнюдь не горели желанием слишком долго играть роль его Пятниц - по крайней мере, если есть хоть малейшая возможность избежать этого. Весь остаток вечера прошел в разговорах. Пуститься ли снова на пинассе в открытое море или побродить по острову и попытаться найти поселение европейцев - вот в чем заключался вопрос.

Редвуд знал, что на Борнео существует не одно такое поселение. Например: голландские резидентства в Самбосе и Сарабанге, английское губернаторство на островке Лабуан и какое-то поселение - не то колония, не то королевство - находящееся под властью отважного искателя приключений, англичанина сэра Джеймса Брука, присвоившего себе громкий титул саравакского раджи. Для всех было ясно, что, если бы им удалось добраться до одного из этих мест, их страданиям пришел бы конец. Оставалось решить, какое из поселений предпочесть и каким путем к нему идти: берегом или прямым путем, пересекая остров.

После зрелого размышления решили отправиться к Лабуану. Этот остров был, по предположению капитана, ближайшим населенным пунктом, и притом единственным, до которого они могли добраться.

Но так как силы еще не вполне вернулись к ним, они вовсе не собирались начинать свое путешествие немедленно, а ограничились пока тем, что подробно обсудили его и взвесили все возможные случайности.

Капитан и его спутники, хотя они и были теперь на твердой земле и могли не опасаться ужасов морской пучины, все еще не чувствовали себя в безопасности. Та часть острова, где они находились, казалась необитаемой. Но не это пугало их. Наоборот, меньше всего им хотелось увидеть людей. Сопоставив место кораблекрушения с расстоянием, пройденным после этого пинассой, и направлением, в котором она шла, капитан Редвуд предполагал... да нет, был почти уверен, что они находятся теперь на северо-восточном побережье острова. А он достаточно долго плавал среди островов Малайского архипелага, чтобы знать, как опасны эти места. Опасны не дикими зверями, а свирепыми хищниками в человеческом облике - иначе говоря, пиратами.

Эти морские разбойники, находящие пристанище в хорошо укрытых неприступными скалами пещерах по берегам лагун многих островов Малайского архипелага и главным образом острова Минданао, снуют по всему Индийскому океану. Самым излюбленным их местом являются моря вокруг островов Суда - то есть пространство между островом Борнео и Новой Гвинеей.

По месту главной резиденции пиратов на Ланоне - южной оконечности острова Минданао - их прозвали ланунами. Но есть у них пристанища и гавани и на других островах Целебесского моря, в том числе и на самом Целебесе, а также вдоль восточного и северного побережий острова Борнео. На Борнео их называют обычно даякскими пиратами, что не совсем правильно, так как большинство этих пиратов чистокровные малайцы; даяков же среди них очень мало, и они, наоборот, сплошь и рядом сами оказываются их жертвами.

Пиратские суда, называемые прао, похожи на большие китайские джонки²², с низкими толстыми мачтами и большими квадратными парусами из волокнистой плетенки. Главную роль на этих судах играют, однако, не паруса, а весла с очень широкими лопастями и искусные гребцы, которых бывает на прао по тридцать - сорок, а на более крупных судах - и до пятидесяти человек. Гребцы сидят двойными рядами вдоль обоих бортов и не принимают никакого участия в борьбе; ее ведут начальники и воины, стоя на чем-то вроде платформы

или верхней палубы, протянувшейся почти вдоль всего судна. Преимущество весел перед парусами заключается в том, что на веслах при слабом ветре или даже полном штиле, которые так характерны для тропических морей, прао без труда может настигнуть парусное судно. Необходимы весла и в том случае, когда при свежем ветре надо уйти от догоняющего прао судна.

Пираты нападают не только на корабли. Порой это занятие начинает казаться им недостаточно выгодным, и тогда они пополняют его грабежами на суше. Подойдя к какому-нибудь острову, они плывут вдоль берегов его рек и заливов и грабят встречающиеся на пути города и селения. Добычей им служат не только имущество и деньги, но и люди: мужчины, женщины, дети, которых они увозят в свои вертепы и держат там до тех пор, пока не представится случай продать их в рабство на одном из невольничьих рынков. Подобные рынки можно увидеть почти на всех островах Малайского архипелага, под чьей бы властью эти острова ни находились - Голландии, Испании, Португалии или же под властью собственных султанов и раджей.

Зная все это, капитан Редвуд отлично понимал, какой опасности подверглись бы он и его спутники, попадись они в лапы разбойников. Когда их пинасса блуждала по океану, когда им грозила смерть от голода и жажды, они и не думали о пиратах. Наоборот, их обрадовал бы тогда вид любого судна, будь оно даже пиратским прао. Да это и понятно. Каждый из них предпочел бы умереть от пиратского крисса²³ или от самого тяжелого рабского труда, чем переносить голод и жажду - эти ни с чем не сравнимые страдания.

Но теперь, избавившись не только от ужасов бездны, но и от голода, они жили в постоянном страхе перед пиратами, то и дело озираясь по сторонам и при каждом шорохе поглядывая на лес.

Немало забот причиняла и пинасса. Сами они в любой момент могли спрятаться среди густых зарослей на берегу. Но куда деть эту громоздкую лодку? Она лежала на совершенно открытом месте и бросилась бы в глаза каждому. Если где-нибудь поблизости спрячутся пираты, они тотчас же поймут, увидев лодку, что на берегу есть люди. Необходимо было куда-то ее деть. Но куда? Можно бы, конечно, протащить волоком по песку до подлеска и там спрятать; так бы, наверно, они и сделали, если бы у них было достаточно сил, но сейчас об этом не стоило и думать. Они окрепли лишь настолько, чтобы самостоятельно передвигаться, и, разумеется, не справились бы с тяжелой пинассой.

Муртах предложил сломать ее, а обломки выбросить в море, но капитан решительно воспротивился этому. Судно, так долго служившее им единственной опорой в океане и принесшее их живыми и невредимыми к берегам этого острова, заслуживало большего уважения. А кроме того, оно могло еще и пригодиться. Ведь они же не знают точно, где находятся: на Борнео или на одном из многочисленных островков у его восточного побережья. Если верно последнее, то пинасса понадобится им, чтобы перебраться на Борнео. Пока все обсуждали этот трудный вопрос, Сэлу, зоркие глаза которого бегали по сторонам, нашел выход из положения. Указывая на русло реки, достаточно глубокое, чтобы скрыть не только их лодку, но и более крупное судно, он воскликнул:

- Плятать тут наса лотка!
  - Сэлу прав; так мы и сделаем, - согласился капитан.
  - Ай да черномазый! Умней всех оказался! - одобрил Муртах. - А что, если сейчас же и взяться за работу? А, капитан?
  - Конечно! - подхватили все хором.
- Мужчины вскочили и побежали к лодке, оставив детей под деревом.

Глава XII ЛОВКИЙ УДАР КРИССОМ

На то, чтобы втащить пинассу вверх по реке до места, против которого находился лагерь, ушло не менее часа. Грести против течения было очень трудно. Но в конце концов

это все же удалось. Желая получше спрятать лодку, ее подтянули баграми к росшему у берега развесистому дереву. То была индийская смоковница, или, как ее обычно называют, баниан; исполинская крона его раскинулась почти до середины реки. Привязав лодку причальным канатом к одному из многочисленных стволов этого дерева, они собирались уже вернуться в лагерь, но вдруг Сэлу предостерегающе вскрикнул - видно, обнаружив перед собой что-то опасное. Правильнее, пожалуй, сказать не "перед собой", а над собой, потому что, взглянув туда, куда смотрел малаец, все увидели, как один из висячих корней баниана шевелится, словно живой. Однако тут же по цилиндрической форме и волнообразным движениям странного корня они убедились, что это вовсе не корень, а огромная змея. С дерева свисала только часть ее, но, имея представление о пропорциях змеиных тел, по этой части, в которой было футов десять, и по конусообразному концу ее можно было заключить, что это огромный питон и что видят они лишь половину его, а может быть, и того меньше. Очевидно, змею потревожили шум и голоса людей, пришвартовывавших пинассу, и она медленно спускалась вниз головой. Хвост ее обмотался вокруг ветки, а тело повисло прямо в воздухе, как это вообще-то свойственно обезьянам. Вот голова ее уже коснулась земли. Еще миг - и огромный питон окажется на земле. Однако при возгласе малайца змея вздернула голову и, высунув раздвоенный язык, принялась раскачиваться, описывая в воздухе большие круги и готовая в любой момент наброситься на того, кто дерзнет переступить границу этого запретного круга.

Капитан Редвуд, услышав крик Сэлу, успел вовремя отскочить. Муртах же - то ли он слишком поздно понял предупреждение, то ли был слишком нерасторопен замешкался. Он шел шага на два впереди капитана и Сэлу, нагруженный кучей всяких вещей с пинассы, не оглядываясь по сторонам, а когда поднял глаза, увидел, что находится уже внутри описываемого змеей круга. Повинуясь инстинкту самосохранения, он быстро отпрянул в сторону. Но и тут ему не повезло. Вещи, которые он нес, мешали ему видеть окружающие предметы, он с разбегу налетел на висячий корень баниана и, больно ударившись об него, не только отскочил, как мячик, назад, но растянулся вниз лицом на земле. Так бы и надо было лежать: питон редко пускает в ход зубы, не задушив предварительно свою жертву. Обвить же кольцами тело лежащего на земле человека он не может. Но Муртах, не обладавший сведениями в области герпетологии²⁴, не знал этого; кроме того, он, как любой ирландец, не мог похвастать особой сообразительностью. А потому, потирая ушибленные места, он вскочил. А едва вскочив, уже почувствовал себя с ног до головы зажатым в крепкие тиски. Холодное и скользкое тело питона обвивалось вокруг него плотной спиралью. У Муртаха вырвался нечеловеческий, страшный крик. Если бы где-нибудь, хоть на целую милю в окружности, были пираты, они бы непременно его услышали. Заслышав этот крик, птицы в лесу оборвали свои трели и щебетанье, и в наступившей мертвой тишине раздавались, не умолкая, лишь душераздирающие вопли ирландца.

Капитан Редвуд, у которого не было в этот момент никакого оружия, прыгнул назад, в пинассу, за топором, находя сейчас этот инструмент уместнее чего-либо другого.

Действительно, топор, оказавшись он в руках капитана вовремя, помог бы ему спасти Муртаха; но теперь несчастный ирландец был бы задушен и раздавлен питоном до того, как Редвуд сумел бы прийти ему на помощь. Выручил Сэлу с его криссом, этим вечным и неизменным оружием малайцев, с которым они никогда не расстаются, нося его под рубашкой у самого тела.

К счастью для своего попавшего в беду товарища, Сэлу так ловко владел криссом, что, вонзив его зигзагообразно изогнутый клинок питону в горло, он не причинил ни малейшего вреда Муртаху, шея которого была рядом с головой змеи. В результате этого мастерского удара питон выпустил свою жертву и, корчась от боли, скрылся в зарослях. Редвуд и Сэлу стали тщательно осматривать Муртаха. Осмотр показал, что ирландец отделался легким испугом; так что оставалось поздравить его со счастливым избавлением от смертельной опасности и отвести в лагерь, куда он, разумеется, не вернулся бы живым, не оказавшись рядом малайца с его верным оружием.

Питон является для Старого Света тем же, чем боа для Нового²⁵. В некоторых отношениях он даже страшнее, потому что, несмотря на свою колоссальную длину - от двадцати пяти до тридцати футов, - эта змея очень подвижна и обладает необычайно сильной мускулатурой. Существует много рассказов о том, что питоны удушают кольцами своего мощного тела даже тигров и буйволов.

Глава XIII ЖИВЫЕ ЯЙЦА

Прошло еще два дня, и за это время не случилось ничего особенного. Наши герои совершили не одну вылазку вдоль побережья и в лес, стараясь, однако, не слишком удаляться от опушки. Но все вылазки не принесли ничего нового и только лишний раз убедили, что остров на большом протяжении и в ту и в другую сторону от лагеря необитаем. И что хуже всего, им так и не удалось найти никакой пищи, поиски которой и были, собственно, целью вылазок. После того как они съели яйца малео - а съели они их на второй же день, - им приходилось питаться только случайно найденными в лесу ягодами и съедобными корешками. Правда, над самой их головой в изобилии росли дурианы, однако эта пища годилась лишь на то, чтобы не умереть с голоду, и отнюдь не способствовала укреплению сил. Питаясь одними дурианами, капитан и его товарищи очень долго не смогли бы приступить к осуществлению своего трудного плана, то есть отправиться на поиски поселения белых людей. Им никак не удавалось не только найти вторую сингапурскую устрицу, но даже наловить рыбы; а те зверьки и птицы, которые случайно попадались капитану в лесу, едва завидев его, мгновенно исчезали, и он напрасно расходовал пули, стреляя им вдогонку. По ночам все опять слышали протяжные стоны малео и каждое утро отправлялись на поиски яиц. Однако хитрые птицы так и не показывались больше, найдя, видно, другое место для своего гнезда наверно, поближе к лесу, откуда им было удобней наблюдать за яйцами. Все же малаец, который прекрасно знал повадки этих птиц, не терял надежды найти их гнездо. А так как сингапурская устрица не попадалась, он отправился на разведку; с ним вместе пошли и остальные.

Путь их лежал вдоль берега моря и по сыпучим волнам дюн у самого леса. Если гнездо существовало, оно не могло находиться нигде больше. Сэлу рассказал своим спутникам, что не только разные стаи, но и одна и та же стая малео закапывает свои яйца сразу в нескольких местах. Мало того, эти интересные птицы, гнезда которых легко узнать по следам когтей на песке, руководствуясь инстинктом или хитростью, маскируют их, устраивая в различных местах изборожденные когтями площадки - точно такие же, как те, где находится гнездо. Вскоре малайцу представилась возможность подкрепить свои слова примером. Охотникам за яйцами попалось место, в точности похожее на первое найденное ими гнездо большеногов. Но, исследовав землю захваченным с собой багром, Сэлу объявил, что гнездо ложное. Если поразмыслить, такой способ маскировки не очень хитроумен. Найдя ложное гнездо, легко догадаться, что где-то поблизости есть и настоящее. В самом деле, очень скоро охотники за яйцами увидели еще одну изборожденную когтями птиц площадку и, воткнув багор в землю, почувствовали, как его железный наконечник с резким металлическим звуком ударился обо что-то твердое. Это были яйца. Когда осторожно разрыли веслом песок, взорам всех представились три дюжины красивых желтовато-розовых яиц. Их осторожно перенесли в лагерь и, оставив там прямо на земле, снова отправились на поиски. Капитану и его товарищам хотелось как можно больше запасти этой полезной и вкусной пищи.

Сегодня им положительно везло. Они отыскиали еще один похожий на гнездо участок, и снова багор, когда его воткнули в песок, издал столь сладкую для слуха голодных людей музыку. Яйца! Эта партия яиц была, очевидно, свежее, потому что песок казался разрытым совсем недавно. А потому и решили начать с нее. Пробродив несколько часов кряду, охотники были теперь не менее голодны, чем в тот день, когда они впервые ступили на этот остров. И вот опять, как тогда, запылал костер, опять на него были положены створки

гигантской раковины - одна в качестве кастрюли, другая - сковородки, - и вскоре поспел сытный обед из двух блюд: вареных яиц и яичницы.

На следующий день все вновь пошли разыскивать гнезда малео, желая иметь запас на тот случай, когда не удастся найти ничего съестного. Однако на сей раз, хотя им и встретились несколько исцарапанных птичьими когтями участков, все они оказались пустыми; очевидно, охотники опустошили уже все гнезда, какие были в этой части острова.

Между тем люди, окрепшие на хорошей пище, все время испытывали волчий аппетит; так что вскоре все свежие яйца оказались съеденными, и было решено приняться за яйца более давней "кладки".

Яйца лежали прямо под открытым небом на песке ярдах в двенадцати пятнадцати от лагеря. Со стороны охотников это было непростительной ошибкой: находясь целый день под палящими лучами солнца, яйца могли испортиться. Но так как они пролежали там очень недолго, никому и в голову не пришло, что это могло случиться.

Итак, наши герои собирались превратить яйца в пашоты²⁶, яичницу и другие вкусные вещи. Сэлу и костер уже развел и приготовил импровизированные кастрюлю и сковороду, а Муртах направился к "кладовке", чтобы принести яйца в "кухню". Но увиденное там настолько поразило ирландца, что у него вырвался какой-то странный, ни с чем не сравнимый возглас изумления, на который поспешили все жители маленького лагеря.

Подбежав к "кладовке", они увидели, как одно из лежащих на земле яиц вдруг само собой перевернулось; а вслед за ним заворочались и остальные яйца одни чуть заметно, другие быстрее. От страха у бедняги ирландца волосы встали дыбом, он с ужасом глядел на это невиданное явление. Да и спутники его также были явно смущены. Все, кроме малайца, который с первого же взгляда понял, в чем дело.

- Маленькие мали! - крикнул он. - У нас нет больше яйца, у нас есть сиплята. Надо подозревать минутка; вы увидите - маленький мали вылезать из скорлупы прямо в пельях.

Сэлу сказал правду. Цыплята вылупились не голыми и беспомощными, а в полном оперении; во всяком случае, едва вылезши на белый свет, они могли уже летать. И по мере того как от ударов их клювиков одна за другой лопались скорлупки, из них, будто игрушечные человечки из ящичка с секретом, выскакивали прелестные, пушистые птенцы, которые тут же, расправив свои крошечные крылышки, начали перепархивать по песку. Зрители, наблюдавшие эту картину, были так поражены, что, если бы не Сэлу, все птенцы успели бы вылупиться и упорхнуть в лес; а они так бы всё стояли и глядели. Малаец, для которого это зрелище не представляло ничего нового, сохранил хладнокровие и невозмутимость. Подкрепленный тем и другим и вооружившись багром, он устроил настоящую охоту на птенцов, благодаря чему наши герои получили на обед не яйца, а вкусное цыплячье мясо.

Глава XIV ИСКУСНЫЙ ДРЕВОЛАЗ

Цыплята, которыми полакомились наши герои вместо яиц, на какое-то время удовлетворили их аппетит. Но, зная, что скоро снова захочется есть, они все-таки не остались сидеть сложа руки. Необходимо было сделать запас какой-нибудь пищи, и, если удастся, такой, чтобы его хватило не только до начала задуманного путешествия, но и на первые дни пути.

На Борнео множество птиц, среди них встречаются и очень крупные; но их не так-то легко увидеть, а еще труднее поймать или подстрелить. Есть там и крупные четвероногие, такие, например, как яванский носорог и двухцветный тапир. И хотя мясо этих толстокожих животных жестковато, люди, у которых нет ничего лучшего, находят его довольно вкусным. У наших же героев не было и этого. Во время своих вылазок они не заметили никаких следов присутствия на острове тапиров или носорогов. А если бы им и попался носорог, они едва ли справились бы с ним. Не говоря уже о величине этого зверя, у него очень толстая кожа,

сплошь покрытая твердыми шишкообразными наростами, защищающая не хуже рыцарских доспехов.

Двухцветный тапир, более сильный и крупный, чем южноамериканский, тоже достался бы им нелегко.

На Борнео водятся также два вида оленей; один из них, очень крупный, называется руза.

Капитан Редвуд, не теряя надежды встретить оленя, ежедневно ходил в лес со своей винтовкой; иногда его сопровождал Муртах с мушкетом.

Но каждый раз оба возвращались с пустыми руками и все более и более удрученные - им так и не удавалось подстрелить ни одного животного, мясо которого хоть мало-мальски напоминало бы оленину. Сэлу попробовал еще раз поискать сингапурскую устрицу или яиц, но и эта его попытка оказалась бесплодной. Видно, в той части острова не было больше ни гнезд малео, ни устриц, ни каких-либо моллюсков. Не попадались им и большеноги - исчезли и те птицы, гнезда которых они разорили.

Отложив яйца, большеноги уже не возвращаются к ним, предоставляя своим птенцам с первого же дня их рождения самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни; правильнее бы сказать - до рождения; ведь нельзя же считать их родившимися, пока они еще не вылупились из скорлупы. А им и тогда уже приходится трудиться - пробивать скорлупу. Иначе они задохлись бы, так и не взглянув на белый свет. Да что и говорить, птенцы большеногов Малайского архипелага - самые "скороспелые" птицы в мире!

После того как наши герои съели последнего цыпленка, им опять пришлось питаться одними дурианами, а это было хотя и очень вкусной, но отнюдь недостаточной для поддержания сил пищей.

Впрочем, добывать дурианы тоже было не так-то легко. На деревьях, куда удалось вскарабкаться Сэлу, не осталось уже ни одного плода, а дурианы, в изобилии росшие на ветвях дерева, под которым был разбит первый лагерь, не смог бы, наверно, достать ни один человек в мире. Колоссальная высота этого дерева, достигающего почти сотни футов, и гладкий, как у сикомора²⁷, ствол делали его неприступным. Редвуду удалось, правда, сбить немало плодов выстрелами по методу сцепленных ядер, но ему было жаль расходовать пули. Приходилось выдумывать какой-нибудь иной способ "собиранья" дурианов. Сэлу и тут пришел на выручку.

К счастью, он оказался уроженцем Суматры, выросшим среди ее лесов, у которых много общего с лесами Борнео. Малаец прекрасно знал все породы деревьев, общие для обоих островов. И, пожалуй, из всех оставшихся в живых членов экипажа Редвуда самые ценные услуги оказывал капитану его темнокожий лоцман; особенно с тех пор, как они попали на остров Борнео.

Убедившись на опыте в пользе советов малайца, товарищи стали обращаться к нему при всяком затруднительном случае. Но, несмотря на то что они считали его способным найти выход из любого положения, их не только удивило, но они просто не поверили ему, когда он объявил, что взберется на большой дуриан. И, конечно, более других был склонен к недоверию Муртах.

- Черномазый просто смеется над нами! - воскликнул он. - Белка и та не вскарабкалась бы на это дерево. Да вы поглядите на ствол! Он такой же гладкий, как медная обшивка корабля, и ухватиться-то не за что. Говорю я вам, шутит малаец!

- Нету сутить Сэлу! Сколо, сколо Сэлу калабкаться дуриан. Мультах будет помогать.

- Уж насчет этого будь покоен - помогу! Лишь бы толк был. Но что ты задумал?

Ничего не ответив Муртаху, Сэлу взял топор и отправился к зарослям бамбука неподалеку от лагеря. Срубив пять-шесть самых толстых бамбуковых палок, толщиной в несколько дюймов, он велел Муртаху отнести их поближе к большому дуриану. Потом еще и еще, до тех пор, пока, по его мнению, палок набралось вполне достаточно. Тогда Сэлу вернулся к лагерю и стал рубить бамбук на равные части, дюймов по восемнадцати каждая. Немало помог ему в этом деле Муртах, бывший, как мы знаем, судовым плотником. Вскоре

вся земля вокруг была завалена бамбуком. Каждый из отрезков расщепили вдоль на две части и заострили с одного конца. Получились колышки, какие обычно втыкают в землю.

Но Сэлу предназначал их совсем для другого.

Пока Муртах расщеплял и заострял колышки, он сбегал в лес и вернулся оттуда с целой охапкой чего-то очень похожего на грубые упаковочные веревки. Они были зеленоватого цвета; однако выступивший из них сок свидетельствовал о том, что это вовсе не веревки, а один из видов ползучих растений, паразитирующих на деревьях, или эпифиты, как их называют ботаники. Благодаря этим растениям, которыми изобилуют леса Борнео и других тропических стран, там совершенно отсутствует веревочное производство.

Бросив "веревки" на землю, Сэлу взял один из колышков и тыльной стороной небольшого топорика, плоской, как у молотка, вбил его несколькими дюймами выше своего роста в мягкую заболонь дуриана. Потом он отбросил топор и, ухватившись за колышек обеими руками, повис на нем всей своей тяжестью, испытывая прочность. Колышек выдержал, и Сэлу остался очень доволен.

После этого он еще раз сбегал в лес и, отыскав там более тонкий, но такой же высокий, как и первые найденные стебли, бамбук, срезал три-четыре палки. Установив одну из палок параллельно стволу дерева, а нижний конец ее врыв для устойчивости в землю, он вставил верхний конец палки в заранее просверленное на свободном конце вбитого в дерево колышка отверстие, а потом растительной веревкой накрепко связал концы палки и колышка замысловатым узлом, какие умеют делать только матросы и туземцы.

Капитан Редвуд и Муртах поняли наконец замысел малайца и принялись ревностно ему помогать; дети с интересом наблюдали за работающими.

Когда с палкой было покончено, Сэлу заткнул за пояс пучок колышков, взял топорик и приготовился к подъему. Муртах помог ему взобраться на первую ступеньку этой оригинальной лестницы; по мере подъема вбивая "ступеньки", Сэлу карабкался с обезьяньей ловкостью. Когда вышли все колышки и веревка, Сэлу спустился возобновить запас того и другого и, снова вскарабкавшись, продолжал свою работу.

Покончив с первой палкой, которая была не длиннее тридцати футов, малаец не стал даже спускаться, чтобы взять вторую: Муртах протянул ему ее прямо с земли. Сэлу соединил обе палки, наложив их концы один на другой и прочно связав лианой.

Через каких-нибудь двадцать минут отважный древолаз был уже на десять двенадцать футов выше первых ветвей дуриана - так высоко, что у смотревших на него снизу товарищей кружилась голова. В самом деле, вид хрупкой человеческой фигурки на высоте шестидесяти - семидесяти футов от земли представлял странное и несколько жуткое зрелище. На таком расстоянии она казалась не больше ребенка или карлика; и страх наблюдавших за нею людей усугублялся еще тем, что они не могли быть вполне уверены в надежности лестницы, на верхней ступеньке которой стоял Сэлу. Им все время так и казалось, что вот-вот одна из тонких перекалинок обломится и к их ногам упадет тело изуродованного товарища.

Вся эта сцена очень напоминала столь частую в промышленных городах картину: каменщик взбирается на огромную фабричную трубу, пострадавшую от грозы или взрыва; а вокруг толпа сбежавшихся отовсюду людей, которые не могут оторвать взгляда от смельчака, восхищаясь его отвагой и дрожа за его судьбу.

Точно такое же чувство испытывали и собравшиеся под дурианом спутники Сэлу.

Глава XV

ЧТО-ТО ОСТРОЕ

Как уже было сказано, малаец поднялся на десять - двенадцать футов над первыми ветвями дуриана и, продолжая вбивать колышки и удлинять вертикальную бамбуковую палку, взбирался все выше и выше. Но вдруг наблюдавшие за каждым его движением люди увидели, что он внезапно прервал работу, и до их слуха донеслось его негромкое, но, как им показалось, тревожное восклицание.

Все инстинктивно отбежали от дерева, боясь, как бы малаец не рухнул им на головы.

Но нет! Сэлу продолжал все так же твердо и уверенно стоять на последней вбитой ступеньке. В одной руке у него был топор, а другой он держался за вертикальную палку, служившую перилами. Он не кричал и не взывал о помощи, и все ясно видели, что взгляд его обращен не к ним, а устремлен вверх; он рассматривал что-то у себя над головой, и это "что-то" находилось, видимо, не среди ветвей дуриана, а на стволе. В наступившей вслед за возгласом тишине спутники Сэлу явственно расслышали какой-то свистящий звук, очень похожий на гусиное шипенье, издаваемое этой птицей, когда ее встревожит приход на птичий двор постороннего человека. Судя по тому, что странный звук был слышен на столь большом расстоянии, можно было заключить, что голос принадлежал отнюдь не столь безобидному существу, как гусь.

- Змея! - вырвалось у Муртаха.

То же самое подумали и капитан с детьми. Никто из них не мог представить себе, чтобы подобные свистящие звуки могло издавать какое-нибудь другое животное, кроме змеи.

- В чем дело, Сэлу? - крикнул капитан. - Что-нибудь опасное?

- Нет нисего опасный! Маленький удася! - послышался веселый голос малайца.

Все облегченно вздохнули.

- Какая удача? - удивился, недоумевая, Редвуд, что за счастье могло вдруг улыбнуться им с такой высоты.

- Сколо увидим, - ответил Сэлу.

Достав из-за пояса колышек, он спокойно принялся вбивать его в дерево. И все время, пока он его вколачивал, до слуха стоявших внизу людей в промежутках между ударами топора доносились странные свистящие звуки, которые вполне можно было принять за шипенье змеи, если бы они время от времени не прерывались каким-то хриплым карканьем, исходившим, очевидно, из горла того же самого существа. А продолжая внимательно следить за работой малайца, все заметили вскоре, что примерно в одном футах над его головой движется что-то живое. Это "что-то" имело белесоватый цвет и очень походило на заостренный бамбуковый колышек, вбиваемый малайцем. "Оно", это загадочное существо, то исчезало, то вновь появлялось и находилось, видимо, внутри дерева, в дупле, лишь время от времени высовываясь наружу. Теперь уже для всех стало ясно, что шипенье и карканье принадлежат именно этому существу, кем бы оно ни было: зверем, птицей или пресмыкающимся.

- Что это такое? - крикнул малайцу капитан, который сразу успокоился и теперь испытывал одно любопытство.

- Птица! Большой птица! - ответил Сэлу.

- Птица? Какая птица?

- Носолог. Сталый самка. Он сидит на яйце. Улететь не может. Самец замазал гнездо глянью.

- А-а-а! Это птица-носорог! - повторил капитан в пояснение окружающим.

Вглядевшись пристальнее в то место, откуда выскакивал длинный с белым концом клюв птицы, все действительно заметили на стволе дерева неправильной формы грязноватое пятно. Но разглядеть его как следует им так и не пришлось. Сэлу, успевший приладить бамбуковый колышек, начал острием топора быстро скалывать засохшую грязь, куски ее так и летели к подножию дуриана.

Очень скоро в замурованном месте образовалось отверстие, вполне достаточное, чтобы свободно просунуть в него руку, что малаец и сделал, запустив ее туда по самый локоть. Крепко ухватив птицу за шею, он вытащил ее из гнезда. Носорог шипел, свистел, хрипел, каркал и судорожно бился в руках малайца, хлопая большими крыльями, как индюк, которому внезапно быстрым ударом отсекли голову.

Однако Сэлу быстро положил всему конец, свернув птице шею.

Потом он бросил носорога к ногам своих спутников, а сам еще раз засунул руку в

гнездо, видимо надеясь найти там яйца. Но вместо яиц в гнезде оказался маленький и совершенно голый птенчик. В противоположность "скороспелым" цыплятам большеногов, его желтовато-зеленое тельце не прикрывал даже пушок. Птенчик носорога был тут же отправлен вслед за матерью, а потом, гораздо более безопасным способом, начал спускаться и сам Сэлу, решив отложить постройку лестницы до завтра, а может быть, и на более длительный срок, потому что надобность в дурианах отпала - по крайней мере, на этот день.

Глава XVI КРЫЛАТЫЙ ВРАГ

Старая самка птицы-носорога, просидевшая к тому же столько времени в замурованном гнезде, не могла, конечно, считаться лакомым кусочком, однако наши героини рады были даже этому скромному пополнению своего вконец истощившегося запаса провизии. Темнокожий лоцман тотчас же принялся ощипывать птицу, а Муртах стал разводить костер.

И вот, пока они были заняты хозяйством, Генри, восхищенный сообразительностью и ловкостью малайца, задумал и сам попробовать взобраться на построенную Сэлу бамбуковую лестницу. Это намерение было вызвано не столько желанием взобраться на дерево, сколько свойственной всем мальчикам его лет страстью обшаривать птичьи гнезда. Ему казалось, что Сэлу недостаточно внимательно осмотрел гнездо и в нем остались еще птенчики или яйца. Генри был плохим натуралистом, иначе он должен бы знать то, чему давным-давно научил малайца жизненный опыт, а именно: что самка носорога кладет всего-навсего одно яйцо и что, следовательно, у нее не может вывестись более одного птенца. Как бы там ни было, но мальчик решил осмотреть гнездо.

Влезть по бамбуковой лестнице казалось ему ничуть не труднее, чем карабкаться на ванты, и, разумеется, гораздо легче, чем обойти вокруг грот-мачты²⁹, не пролезая через "собачью дыру"³⁰, что он не раз проделывал на отцовском судне.

Итак, не спросив разрешения и не сказав никому о своем намерении, Генри полез.

Никто этого и не заметил. Капитан Редвуд занят был чисткой ружья, Эллен помогала отцу, Сэлу возился с птицей, Муртах собирал на опушке леса хворост для костра.

Переступая с одной бамбуковой ступеньки на другую, мальчик вскоре добрался до вершины лестницы. А так как ростом он был чуть пониже малайца, то без труда просунул руку в гнездо и стал его обшаривать. Разумеется, он не нашел там ничего, кроме осколков скорлупы и высохшего помета, оставшихся от недавних обитателей гнезда.

Генри задумался над странным обычаем птиц-носорогов замуровывать на несколько недель свою подругу в гнезде. Он понимал, что самец делает это не из желания причинить ей зло. Но почему же тогда? Поразмыслив минуту-другую, но так и не найдя объяснения занимавшему его вопросу, мальчик решил спуститься и расспросить обо всем малайца.

Он уже свесил было ногу, нащупывая вторую от верха ступеньку, как вдруг на него налетела огромная птица, буквально оглушив его пронзительным криком и хлопаньем крыльев. И она его не только оглушила. Мальчик видел, что птица так и норовит выклевать ему глаза своим огромным острым клювом. И как ни был поражен и испуган Генри столь неожиданным нападением, он сразу понял, что имеет дело с самцом-носорогом.

Когда разорвали гнездо его подружки, он был, очевидно, где-нибудь далеко в лесу в поисках пищи для нее и птенчика и не слышал ее криков. Увы, он вернулся слишком поздно! Гнездо было уже разрушено, заботливо построенная стенка взломана, а милые его сердцу существа исчезли - наверно, похищены и убиты юным грабителем, который все еще стоит перед отверстием опустошенного жилища.

А если бы несчастный носорог взглянул вниз, под дерево, он увидел бы там еще более душераздирающую картину. Но он был слишком взволнован, чтобы смотреть по сторонам.

С пронзительным криком, многоголосое эхо которого прокатилось далеко по лесу, разъяренный самец набросился на дерзкого разрушителя.

К счастью для Генри, на нем была толстая матерчатая, подбитая ватой шапка; она, как

шлем, защитила голову от крепкого клюва, первый удар которого пришелся как раз по тулье. Не будь на мальчике шапки, этот удар продолбил бы ему череп.

За первым налетом птицы последовал второй, третий и так далее... Удары так и сыпались. Но теперь уже мальчик не был беззащитен. Придерживаясь одной рукой за вертикальную палку - перила, он другой изо всех сил отбивался от носорога. Однако это ничуть не уменьшило опасности. Птица не испугалась и не улетела, а, наоборот, все больше и больше разъярялась. Генри прекрасно понимал грозившую ему опасность. Понимали ее и все остальные, которые при первом же крике птицы сбежались к дереву, где и стояли теперь беспомощно, не в силах ничем помочь мальчику. Они не могли даже посоветовать ему спуститься; он, конечно, и сам бы догадался. Но в том-то и беда, что спуститься с лестницы было нельзя; для этого пришлось бы действовать обеими руками, а тогда лицо и голова остались бы незащищенными, и птице ничего не стоило бы своим крепким, как долото, клювом выклевать мальчику глаза или продолбить череп. Таким образом. Генри оставалось лишь, не сходя с места, отбиваться свободной рукой от бешеных атак своего крылатого врага. Из пальцев его уже сочилась кровь, потому что при каждом ударе птица больно щипала ему руку.

Трудно сказать, чем бы кончился этот поединок, окажись Генри предоставленным своей судьбе. Верней всего, птица действительно выклевала бы ему глаза или продолбила череп, а может быть, ослабев от долгой и напряженной борьбы, мальчик упал бы с лестницы и разбился насмерть.

Этот печальный конец казался неизбежным и последовал бы, наверно, очень скоро... Однако Сэлу спешил на помощь; он уже подскочил к лестнице и начал взбираться по ней. Но ведь он мог опоздать или у него, как и у Генри, не хватило бы сил для борьбы с разъяренной птицей. Все эти опасения возникли в душе встревоженного отца, который с отчаянием глядел на смертельно опасную борьбу своего ребенка, чувствуя себя бессильным помочь ему. Вдруг его осенила мысль, благодетельная уже тем, что она вывела его из состояния мучительного бездействия. У ствола дерева стояла только что прочищенная и, к счастью, заряженная им винтовка. Он быстро схватил ее. Секунда - и приклад винтовки уже покоился у его плеча, а дуло было направлено вверх в сторону птицы. Шаг рискованный и страшный - это напоминало эпизод из "Вильгельма Телля"³¹, когда Телль стреляет из лука в яблоко, лежащее на голове сына. Но, не решился капитан на этот шаг, Генри подвергся бы еще большей опасности. А потому, выждав, когда птица удалилась от лица ребенка, Редвуд спустил курок.

Блестящий выстрел! Он перебил носорогу крыло. Огромная птица закувыркалась в воздухе и грузно шлепнулась на землю, продолжая кричать и барахтаться. Муртах, однако, быстро усмирил ее несколькими ударами багра.

Глава XVII

ДИЧЬ НА ВЕРТЕЛЕ

Сэлу взобрался тем временем на самый верх лестницы, чтобы помочь Генри спуститься с нее, что тот благополучно и сделал и без каких-либо дальнейших приключений. Нельзя сказать, чтобы мальчик сильно пострадал в борьбе. Ему посчастливилось отделаться несколькими царапинами и небольшими поверхностными ранками, которые благодаря заботам и некоторым медицинским познаниям его отца очень скоро зажили. Немало способствовали этому и собранные Сэлу целебные травы.

Все обитатели лагеря вновь обрели спокойствие духа и, вероятно, вскоре совсем забыли бы о небольшом, но так сильно взволновавшем их происшествии, если бы о нем не напоминали тушки двух крупных птиц. Носороги, самка и самец, явились неожиданным и обильным подспорьем в их питании, не говоря уже о жирном неоперившемся птенце. Его нежное мясо было бы лакомым кусочком даже для самого разборчивого любителя поесть.

Как мы уже сказали, Сэлу в тот день не полез больше за дурианами. Да и спутники его

не настаивали на этом.

Конечно, дурианы - превосходный десерт после дичи. Но, имея вкусную пищу в количестве, вполне достаточном, чтобы утолить голод, никто из них не думал о разнообразии стола. Жаркое из носорогов, по одной птице на каждый обед, обещало весьма солидное подкрепление, а нежный и жирный птенчик, которого хватило бы только на закуску, сулил оказаться вкуснейшим лакомством.

Герои наши не стали задумываться над тем, как поступить с этой столь неожиданно доставшейся им дичью. Самка была уже начисто ощипана Муртахом; а вслед за ней и самец под ловкими пальцами Сэлу также лишился своего наряда. После чего ему связали крылышки, и оставалось только насадить его на вертел и жарить. Из самки, которая была жестковата, решили сварить суп, а птенца запечь в золе и отдать детям. Жареный птенец послужил бы для них не только вкуснейшим лакомством, но и значительно подкрепил бы их силы. Птенца не пришлось и ощипывать - он был гладок, как яичная скорлупа. А его нежное мясо не стало бы хуже, как его ни приготовить.

Ощипав птиц, все увидели, что они гораздо меньше, чем можно было предположить, судя по их оперению. Причем самка оказалась больше и жирней самца. Последнее, впрочем, было вполне естественно и объяснялось как ее полом, так и вынужденной неподвижностью во время долгого заключения в темном и тесном гнезде.

Но и самец был достаточно велик - во всяком случае, ничуть не меньше хорошей курицы. Его мяса достаточно было бы для всех. А потому, с общего согласия, птенца и самку отложили на завтра.

Итак, самца-носорога насадили на вертел и водрузили над костром, откуда вскоре послышалось аппетитное шипенье и донесся восхитительный запах жареной дичи.

Самку же изрубили на мелкие куски и, положив в наполненную водой раковину и приправив зеленью, которую малаец набрал в лесу, оставили томиться на тихом огне до следующего дня. Тем более что спешить с готовкой было некуда.

А когда со всеми приготовлениями было покончено и оставалось только приглядывать за жарящимся на вертеле самцом да время от времени повертывать его, завязалась беседа. Разумеется, зашел разговор о птицах-носорогах, о которых Сэлу рассказал много интересного.

Капитан Редвуд также знал немало любопытного об этих странных птицах. Он их не только много раз наблюдал во время своих путешествий по островам Малайского архипелага, но и читал о их жизни и повадках в книгах других путешественников.

Так, например, он знал, что птица-носорог встречается и на Африканском континенте, где его называют корвэ. Доктор Ливингстон рассказывает об этой птице следующее: "Нам случилось однажды проходить мимо гнезда корвэ, которое было совсем готово для кладки яиц. В отверстии дупла, уже замазанном с обеих сторон, был оставлен проход, точно соответствующий величине птицы, а внутренность дупла простиралась значительно выше прохода, где самка могла прятаться, если бы у отверстия появилось что-либо угрожающее".

Первый увиденный Ливингстоном корвэ был пойман туземцем, который и рассказал ученому о странном обычае самцов этой породы птиц замуровывать подругу. Заключение в дупле самка устраивает гнездо из собственных перьев, откладывает яйцо и, высижив птенца, остается с ним до полного его оперения. Все это время, то есть целых два-три месяца, самец носит им корм. За время сиденья в гнезде самка сильно жиреет - у туземцев ее мясо считается деликатесом, - несчастный же супруг ее становится настолько тощим, что при внезапном понижении температуры, которое наступает иногда после периода дождей, он умирает.

В заключение всего рассказа капитан добавил, что характерной чертой внешности птицы-носорога является его слегка изогнутый с заостренным концом клюв.

А так как приятно потрескивающая на костре дичь все еще не была готова, Сэлу тоже успел сообщить кое-что об этих птицах, которых он часто ловил в лесах Суматры.

Надо сказать, что туземцы Малайского архипелага обладают некоторыми познаниями -

по крайней мере, практически - в области естествознания. Это объясняется тем, что голландцы, многочисленные поселения которых разбросаны по всем островам архипелага, - большие мастера по набивке чучел и выделке шкур. И вот среди туземцев, поставляющих белым людям за известное вознаграждение птицу и животных, возникла своего рода профессия сборщиков.

Сэлу, до того как стал профессиональным моряком, был птицеловом.

Он рассказал, что на его родном острове живут два вида птиц-носорогов, но в руках чучельщиков он видел и другие породы этих птиц, привезенных из Кохинхины, Индии и с Малакки. Они хотя и различной величины, но все очень крупные, черного цвета с белыми пятнами. Сэлу рассказал также, что все виды носорогов строят свои гнезда таким же образом: самец неизменно замазывает вход в него, оставляя лишь небольшое отверстие, из которого самка может высунуть только клюв и взять приносимую ей пищу. Делает он это тотчас же, как только самка усядется на свое единственное яйцо. "Штукатурку" самец приносит в клюве из ближайшего пруда или реки.

Самки сидят в заточении не только до того, как выведутся птенцы, но и много времени спустя, пока птенцы не оперятся и не смогут вылететь из гнезда. И все это время не только она сама, но и птенчик целиком зависят от супружеской верности и забот самца, который никогда не изменяет своему долгу. Носороги, подобно орлам и некоторым другим хищным птицам, отнюдь не отличающимся нежностью, хранят нерушимую верность священным узам брака. Так, хотя и в несколько иных выражениях, закончил Сэлу свой рассказ.

- А если самца убьют или он почему-нибудь не сможет вернуться к гнезду, тогда как же? Погибать самке? - спросил Муртах.

Сэлу не смог ему ответить. Он никогда над этим не задумывался, и ему не приходилось наблюдать подобного случая. Возможно, самка действительно умерла бы; однако, учитывая добровольность ее заточения, правильней предположить, что она разрушила бы свою темницу и улетела.

Это предположение всех удовлетворило, и беседа по естественной истории окончилась. Главной причиной окончания послужило то, что дичь была готова, а наши изголодавшиеся герои не могли в этот момент думать ни о чем, кроме еды.

Самца сняли с вертела, и все с жадностью на него набросились. Сэлу взялся резать и распределять жаркое; более нежные части были отданы детям.

Скоро, однако, мы увидим, что столь счастливо начавшийся ужин окончился очень печально.

Глава XVIII ОТРАВЛЕНИЕ

Ужинать начали на закате. Костер был разложен под большим деревом, не под тем, куда они перебрались из-под дуриана, а еще более густым и развесистым. Его широко раскинувшиеся ветви с ярко-зелеными глянцевыми листьями образовали сплошной шатер. Капитан и его спутники решили провести здесь ночь. Тем более что единственным укрытием, заменявшим палатку, был натянутый на четыре воткнутые в землю подпорки брезент; а под ним едва ли поместились бы даже Генри с Эллен.

Костер тушить не стали; наоборот, подкинули еще веток и решили поддерживать его всю ночь: не для защиты от диких зверей - их, как мы уже говорили, здесь не было, - а от холода и сырости, наступающих в тропиках после полуночи.

К тому времени, когда с самцом-носорогом покончили, солнце уже село, и сразу стало темно. Под экватором и вблизи него почти не бывает сумерек, и тотчас же после заката наступает ночь. Так что косточки пришлось обглаживать в полной темноте, при слабом свете чуть тлеющего костра.

Но вот, едва была обглодана последняя кость, все вдруг почувствовали странную дурноту. Начавшись еще во время еды легким головокружением и поташниванием, она

постепенно усиливалась и после ужина перешла в сильную рвоту. Понятно, все очень встревожились.

Невольно начали подозревать, что это отравление. Если бы заболел один человек, еще можно бы как-то иначе объяснить дурноту, но теперь, когда все пятеро и одновременно ощутили одинаковые признаки недомогания, которое к тому же совпало с едой, сомневаться не приходилось. Очевидно, в мясе носорога был яд.

Но так ли это? Может ли птичье мясо быть ядовитым? И ядовито ли мясо носорогов? Все взволнованно задавали друг другу эти вопросы, и, конечно, чаще всего эти вопросы были обращены к Сэлу. Малаец думал, что дело не в самой птице. Ему не раз приходилось есть мясо носорогов и видеть, как его едят другие, но до сих пор никогда ни с кем не случалось ничего подобного.

Но, может быть, именно эта птица наелась чего-нибудь такого, что, не причинив вреда ей самой, вызвало рвоту у людей, поевших ее мясо? Некоторое время так и думали; трудно было найти иное объяснение столь внезапно возникшей болезни. Они надеялись, что, если не будут больше есть носорогов, ни в жареном, ни в сыром виде, болезнь ограничится легким недомоганием и скоро пройдет. На птиц теперь и глядеть не хотелось. Решено было выбросить их на съедение зверям и питаться одними дурианами.

Но время шло, а облегчения не наступало. Голова продолжала кружиться, а приступы рвоты даже участились и раз от разу становились сильнее. В конце концов наши герои стали не на шутку тревожиться, как бы отравление не оказалось смертельным. Ведь они были так беспомощны! У них не было никакого противоядия. Впрочем, окажись в их распоряжении сейчас хоть целая аптека, они все равно не знали бы, что с ней делать. Если бы то был укус ядовитой змеи или другого ядовитого животного, Сэлу, понимавший кое-что в народной медицине, отыскал бы в лесу лекарственные растения, хотя в окружающей их кромешной тьме трудно было что-либо найти. Ночь была безлунной и очень темной. Капитан и его спутники не различали даже друг друга, и только стоны и тяжкие вздохи говорили им о присутствии товарищей.

По мере того как мучительно медленно текло время, тревога людей росла. В самом деле, разве не досадно умереть от такой, казалось бы, ничтожной причины, избегнув стольких поистине страшных, смертельных опасностей? Кораблекрушение, голод, жажда, все ужасы блуждания в утлом суденышке по океану, дуриан, чуть не пробивший мальчику череп, птица-носорог преодолеть все эти невзгоды и вот теперь погибнуть от мяса какой-то птицы! Это могло показаться смешным, если бы не было так ужасно. Часы шли за часами, не принося людям никакого облегчения. Никто из пострадавших уже не сомневался, что они серьезно отравлены и скоро умрут.

Глава XIX ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Люди так страдали, что в конце концов у них помутилось сознание и начался бред. Они чувствовали примерно то же, что чувствует человек при сильнейшем приступе морской болезни, и прежде всего полнейшее равнодушие к смерти, столь характерное для этого мучительнейшего, хотя и не смертельного недуга. Если бы океан, ревущий и беснующийся у бухты, совсем недалеко от того места, где они лежали, вдруг хлынул на берег и устремился к ним, они, пожалуй, и тогда не шелохнулись бы, чтобы спастись от затопления. Любая смерть казалась им желанной, лишь бы избавиться от невыносимых страданий. Время от времени то один, то другой, не находя себе места, поднимался с земли и брел куда-то.

Но и это не помогало. Тошнота, то и дело переходившая в рвоту, продолжалась, голова кружилась, а ноги так дрожали и подкашивались, что, сделав несколько шагов, человек в изнеможении падал, моля Бога о смерти, которая положила бы конец всем их страданиям.

Однако даже и в этих страшных мучениях капитан Редвуд больше заботился о детях, чем о себе самом. Он охотно отдал бы жизнь, лишь бы спасти их. Но смерть равно грозила

им всем. Зная это, капитан желал, чтобы хоть Муртах или Сэлу умерли после того, как похоронят Генри и Эллен. Он никак не мог примириться с мыслью, что его дети так и останутся лежать на песке непогребенными.

Несмотря на жестокие страдания, он нашел силы тайно от детей поговорить об этом с Муртахом и Сэлу, умоляя их выполнить его последнюю, как он думал, волю.

Умиравшие, лежа на земле, обменивались время от времени отрывистыми фразами, произнося их чуть слышно угасающим голосом; читали вслух молитвы.

Капитан, после того как объявил свою последнюю волю, стал покорно ждать смерти. Он лежал на спине, обняв одной рукой Генри, другой - Эллен; головы мальчика и девочки покоились на груди отца, а руки сплелись в тесном объятии. Изредка с губ их срывалось шепотом несколько слов, говоривших о силе страдания и о мужестве, с которым они его переносили.

Отец тоже тихо говорил с детьми. Сначала он пытался внушить им надежду и ободрить; однако мало-помалу и он сам и дети почувствовали, что всякая надежда бесполезна - так ухудшилось их состояние.

Костер между тем догорел и угас. Никто и не думал о том, чтобы поддерживать огонь. Потому что, хотя топливо и было заготовлено в изобилии - всего в нескольких шагах от костра лежала целая куча веток, - люди вконец обессилели и не могли их взять. Да и зачем стали бы они поддерживать костер? Не все ли равно, как умирать: в темноте или при свете костра!

Правда, Редвуду очень хотелось хоть на миг осветить лица детей, пока еще смерть не наложила на них своей печати. Быть может, он и попытался бы сам или попросил бы кого-нибудь из матросов разжечь костер, но, взглянув случайно на восток, увидел на горизонте узкую полоску бледного света. То была предвестница утра - заря. А он знал, что в тех широтах, где лежит остров Борнео, тотчас же вслед за своей предвестницей приходит и день.

- Слава Господу! Я еще раз увижу их перед смертью! - угасшим голосом, но с чувством горячей благодарности воскликнул Редвуд.

И будто в ответ на его слова, светло-серая полоска на востоке стала быстро шириться и разгораться, и вскоре весь горизонт был уже залит золотистым сиянием утренней зари. А еще через несколько мгновений над водной гладью Целебесского моря показалось великолепное тропическое солнце.

Когда его веселые лучи коснулись верхушек деревьев и стало светло, несчастные взглянули друг на друга, после чего их взоры обратились в разные стороны.

Капитан с любовью смотрел на дорогие ему лица детей, уже покрывшиеся землистой бледностью приближающейся смерти; Муртах грустно глядел на океан, словно желая вновь очутиться среди его волн и, верно, мечтая о своей зеленой Ирландии; малаец же пристально устремил глаза вверх - не к небу, а на что-то среди ветвей дерева, раскинувшего над ними свою крону. И вдруг выражение его лица чудесно преобразилось. Взгляд запавших от страдания глаз, еще за секунду перед тем выражавший одно тупое отчаяние, мгновенно просветлел и оживился.

Сэлу вскочил на ноги и что-то радостно крикнул по-малайски. Услышав слово "Аллах", которым оканчивалось восклицание, все поняли, что он благодарит Бога.

- Слава большому Богу! - продолжал малаец уже на своем ломаном языке, чтобы его могли понять товарищи. - Мы все спасаться! Яд сколо нет. Выходить все... Под делевом смелть... И, схватив за руки детей, он силой заставил их подняться с земли и вывел... да нет, просто вытащил из-под дерева и подальше от него, на открытое место.

Муртах и капитан Редвуд, хотя они и не поняли толком, что означают слова и странный поступок малайца, послушно последовали за ним.

Только тогда, когда все уже сидели на прибрежном песке залива и воспаленные лица их обвевал свежий ветер, Сэлу объяснил, в чем дело.

Объяснение было очень простым. Он указал пальцем на дерево и произнес единственное слово - "анчар".

Глава XX ЯДОВИТЫЙ АНЧАР32

Анчар!

При этом слове капитану Редвуду и Муртаху все стало ясно. Да и кто из путешественников, после того как его судно изборозило все моря вокруг островов Малайского архипелага, умудрился бы не знать, что такое анчар! Пожалуй, в целом мире нет уголка, где бы люди не слышали об этом дереве, отравляющем все живое своим ядовитым дыханием; даже трава и та не растет под ним.

Капитан Редвуд был достаточно культурным человеком, чтобы не верить в рассказы, и все же это слово многое объяснило ему: и внезапную дурноту, и головокружение, и рвоту, и овладевшую ими страшную слабость. Ведь их костер был разложен у самого подножия анчара, и под воздействием дыма, поднимающегося до самой кроны, из его листьев стал выделяться ядовитый сок.

Вся атмосфера вокруг насытилась этими испарениями, и людям несколько часов подряд пришлось дышать ядом. Уйдя из-под дерева, они оказались вне опасности, и, хотя всем им было еще очень не по себе, они сразу же приободрились и повеселели, как это бывает со всяким, кому удалось избежать смерти или большего несчастья. Они знали, что теперь к ним понемногу снова вернутся прежние силы и здоровье. Великолепное тропическое солнце, высоко поднявшееся над горизонтом, заливало все вокруг ярким сиянием, приятно лаская лица, а легкий бриз, дувший с синего, как сапфир, моря, освежал и успокаивал озноб. Они ощущали примерно то блаженное чувство, которое испытывает человек, очень долго провалявшийся в душной каюте раскачиваемого штормом корабля, испытывая ужасные страдания морской болезни, и внезапно очутившийся на твердой почве. Он блаженствует, лежа на берегу, поросшем зеленой травкой или мягким мхом; над его головой шелестит листва, а в воздухе разлит упоительный аромат цветов. Так и наши герои сидели на серебристом прибрежном песочке бухты в приятной полудремоте, глядя на белую пену прибоя, разбивающегося о коралловые рифы, и на синие волны океана, рассеянно следя за полетом ширококрылых птиц, которые время от времени ныряли и тут же снова взмывали ввысь, унося в клюве блестящую на солнце рыбку. Они смотрели на все это почти бессознательно, ощущая непомерное счастье от того, что и на сей раз остались в живых.

Итак, виноваты были вовсе не птицы-носороги, а небрежность капитана Редвуда. Ведь он-то прекрасно знал о ядовитости анчара! Он не раз видел это дерево на других островах Малайского архипелага; оно растет не только на Яве, которую принято считать его родиной, но и на Целебесе, Вали и Борнео. В разных местах его называют по-разному: таюм, гиппо, упо, анчар, упас. Однако все эти названия означают в переводе одно и то же - "дерево яда".

Редвуд обязан был отнестись более внимательно к выбору места для ночлега, тем более что анчар легко узнать по его красновато-бурой гладкой коре и огромной кроне с глянцевыми ярко-зелеными листьями. А он не обратил на это внимания. Да и кому бы на его месте, при виде манящей сени широко раскинувшихся ветвей, пришло в голову, что среди них притаилась смерть?

Однако теперь, как мы уже сказали, опасность миновала. Самое большое, что грозило отравившимся людям, - это неизбежная после отравления слабость, но и та должна была скоро пройти. О смерти, разумеется, не могло быть и речи. Ядовитые испарения анчара смертельны лишь в том случае, когда их вдыхают очень долго. Сок же этого дерева, принятый внутрь, если, например, пожевать его листья, кору или корень, действительно убивает, и притом довольно быстро. Даяки, живущие на острове Борнео, смешав сок анчара со смертоносным ядом бины - растения, паразитирующего в лесах этого острова - смачивают полученной смесью наконечники своих пик и стрел.

Интересно, что анчар принадлежит к тому же отряду тутовых, что и хлебное дерево; таким образом, "дерево смерти" как бы соприкасается с "деревом жизни". Известное на Яве

под именем анчара, на некоторых других островах Индийского архипелага это дерево называется попон-упас. У анчара удлинённые блестящие листья, а плоды его представляют покрытую толстой кожей костянку.

При изготовлении яда сок анчара смешивают с имбирем и черным перцем. Получившаяся смесь напоминает по густоте мелассу³³ и может довольно долго храниться в хорошо закупоренном сосуде.

Анчар - одиночное растение, и, к счастью для людей, эти напоенные ядом деревья, подобно золоту, жемчугу и алмазам, встречаются очень редко, даже в благоприятном для них климате. Там же, где людям удастся найти его, к нему навеваются все окрестные охотники и воины за ядом для своего оружия, благодаря чему ствол этого дерева бывает обезображен рубцами и насечками.

Анчар, под которым наши герои провели ночь, был совсем не поврежден, и это ясно говорило, что данная часть острова необитаема. По крайней мере, так думал Сэлу, и все рады были ему верить.

Глава XXI НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Людам, пока они лежали так на серебристом песке, в упоении вдыхая утреннюю свежесть, казалось, будто вместе с ней в их жилы вливается новая кровь, а мышцы всего тела крепнут и наполняются силами. Сэлу сказал, что отравление скоро пройдет, и его предсказание оправдалось.

Вместе с силами вернулось хорошее настроение и аппетит. И все были рады позавтракать вареной птицей.

Снова развели костер и поставили над ним принесенную из-под анчара половину гигантской раковины, водрузив ее на несколько булыжников. Скоро из "кастрюли" послышалось бульканье и в воздухе распространился восхитительный аромат, показавшийся нашим героям приятней и утреннего бриза, и доносившегося из леса благоухания тропических цветов.

Пока доваривалась самка носорога, стали запекать птенца, насадив его на вертел.

Закусив мясом птенца, которого каждому досталось лишь по крохотному кусочку, все более терпеливо стали дожидаться основной части обеда. Немного спустя Сэлу, бывший на редкость искусным кулинаром по части приготовления дичи, объявил, что тушеное мясо готово. Тогда "кастрюлю" сняли с огня и, немного остудив птицу, приступили к еде. В раковине, где варилась самка, оставался еще вкусный бульон с приправой из найденных малайцем в лесу трав. Его разлили в захваченные с корабля жестяные кружки, и, если бы наши герои могли добавить к нему хоть по кусочку хлеба, он вполне заменил бы им утренний кофе.

Съев носорога и выпив весь бульон, начали искать новое место для лагеря, на сей раз внимательно разглядывая каждое дерево, которое казалось подходящим для этой цели. Наконец выбор пал на ветвистую индийскую смоковницу, воспетую в индусском эпосе под именем священного баньяна:

Как много прелести таит,
О баньян, твой дивный вид!
Густых ветвей своих шатер
Ты над лугами распрости,
И целый лес прямых колонн
Под этой сенью вознесен.
А на ветвях бесчисленных твоих,
Причудливой переплетаясь сетью,
Крней воздушных космы ниспадают.

И ветерок слегка колышет их,
И нежным дуновением ласкает.
Другие же, что менее маститы,
Незыблемо висят, как сталактиты
Под сводами пещеры.

Здесь и решено было остановиться. Быстро перетащив весь скарб из-под анчара в густую тень этого благословенного дерева, герои наши принялись заново налаживать свое хозяйство.

Баньяны достигают часто тридцати футов в обхвате, и тот, под которым они разбили теперь свой временный лагерь, также был футов двадцати пяти.

Характерной особенностью этого дерева являются воздушные корни. Их пускает почти каждая из ветвей, и они растут, свешиваясь вниз. Коснувшись земли, корень врастает в нее, а на его надземной части появляются ветви, благодаря чему эта ветвь превращается в ствол.

Капитан и его спутники намеревались пробыть здесь лишь до тех пор, пока окрепшие силы не позволят им пуститься в задуманное путешествие.

И вот наконец судьба им улыбнулась: они получили возможность покинуть негостеприимный берег, где до сих пор их удерживало только недостаточное количество еды.

В тот самый день, когда они водворились под баньяном, это дерево их щедро одарило. Они нашли на нем пищу, которой хватило на целую неделю и которая оказалась гораздо питательней носорогов и подкрепила всех не хуже яиц.

Пища эта, хотя ее и нашли среди ветвей баньяна, была не плодом, а пресмыкающимся из породы парусных ящериц. Только самому голодному человеку могло бы прийти в голову отведать ее мяса - такой у нее был неаппетитный вид. Но Сэлу, казалось, не испытывал к ней ни малейшего отвращения. Наоборот, увидев на одном из стволов баньяна эту ящерицу, которая достигала в длину примерно пяти футов, а по толщине туловища равна была чуть ли не туловищу человека, он обрадовался. Малаец знал, что мясо ее не только вполне пригодно в пищу, но и очень вкусно.

Вопреки своему отталкивающему виду, она, подобно американской игуане³⁴, совершенно безобидное существо, из мяса которого туземные охотники и жители лесов готовят замечательно вкусные и нежные отбивные котлеты.

Малайцу нетрудно было убедить Редвуда израсходовать одну из своих драгоценных пуль. В ящерице от головы до кончика хвоста оказалось около шести футов. Сэлу при помощи Муртаха обвязал ей вокруг шеи лиану и подвесил на дерево, чтобы было удобнее снимать с нее кожу. Малаец тут же спокойно приступил к свежеванию; сняв кожу, разрезал мясо на небольшие куски, и вскоре оно весело зашипело на костре. Как и обещал Сэлу, мясо ящерицы оказалось очень нежным, а кроме того, и питательным. По вкусу оно напоминало свиные отбивные с легким привкусом курицы и едва уловимым запахом лягушатины. Поев этого мяса три дня, капитан Редвуд и его спутники почувствовали себя вполне окрепшими и способными снова пуститься в путь. А тут подоспела еще и дичь.

К лагерю забрел случайно, в поисках пищи, огромный кабан. На свою беду, он подошел слишком близко к людям. Пуля капитана настигла зверя, положив конец его охоте.

Малаец освежевал кабана столь же умело и ловко, как и ящерицу.

Теперь у наших героев оказался не только избыток пищи в виде свиных отбивных и жареной грудинки, но запас ее на дорогу: два прокопченных на костре окорока.

Кроме провизии, решено было взять с собой лишь самые необходимые и удобные для переноски вещи. С пинассой, этим старым и верным товарищем, пронесшим их над всеми ужасами морской пучины, пришлось навсегда распрощаться. Взглянув на нее в последний раз, все тронулись в путь - еще более страшный для них своей неизвестностью, чем необъятные просторы океана, с которыми они уже успели свыкнуться.

Приходилось выбирать одно из двух: либо идти в глубь острова, либо оставаться там,

где они находились, рискуя никогда не увидеть родину; потому что нельзя было питать ни малейшей надежды, что в эти места заплывет какое-нибудь судно. А если оно и появится, то, вероятней всего, это будет пиратское прао; и тогда всем им грозила бы смерть от руки кровожадных пиратов или рабство, из которого не спасет никакая цивилизованная страна по той простой причине, что ни один цивилизованный человек в мире никогда и не увидит их, жалких, закованных в цепи рабов.

Именно поэтому капитан Редвуд предпочел отправиться в полный опасностей путь по дебрям Борнео и пересечь его в самом узком, как он полагал, месте, а именно - по перешейку, между восточным побережьем и старым малайским городом Бруней на западном его берегу, близ которого находится маленький островок Лабуан. Редвуд знал, что на этом островке есть английское поселение.

Глава XXII В ГЛУБЬ ОСТРОВА БОРНЕО

Отправляясь в путь, капитан Редвуд ясно представлял себе все предстоящие им трудности.

Первой из этих трудностей была огромная длина пути. Даже в том случае, если бы они пошли по совершенно прямой линии, им и тогда пришлось бы проделать не менее двухсот пятидесяти миль. А трудно было допустить, что удастся все время идти по прямой. Но их страшило не время, которого потребует этот путь: времени они имели более чем достаточно. Делая по десять миль в день, можно было пройти все расстояние за месяц. А что значил какой-то месяц, даже и два месяца, там, где речь шла о возвращении в цивилизованный мир, более того - о самой жизни!

Не пугало их и то, что весь путь предстояло пройти пешком. Они совсем оправились как от слабости после перенесенного голода, так и от последствий отравления и чувствовали себя достаточно сильными для большого перехода. Так что, если бы трудность заключалась только во времени, никто бы из них не тревожился.

Но приходилось задуматься над тем, что делать, когда кончится запас продовольствия, которого хватит не больше чем на неделю.

Сэлу и тут постарался успокоить всех, сказав, что дебри Борнео, похожие на леса его родной Суматры, должны изобиловать фруктовыми деревьями и дичью; если не оленя или кабана, то, во всяком случае, птицу или каких-нибудь мелких зверьков они непременно наловят.

Несколько последних перед походом дней Сэлу, для того чтобы сберечь скромный запас пуль, мастерил сумпитан, представляющий собой нечто вроде духового ружья, и сумпиты - стрелы. Самое ружье, длиной в восемь футов, он сделал из ствола молоденькой казуарины - дерева с очень твердой древесиной, растущего на всех островах Малайского архипелага, а стрелы - из листьев нибонговой пальмы, которые росли вокруг их лагеря. Утолщенные части стрел нечто вроде поршня - были изготовлены из упругой, как пробка, древесины той же пальмы. Плотнo прилегая к внутренним стенкам трубки сумпитана, этот поршень принимает на себя струю быстро и сильно вдуваемого в трубку воздуха, под напором которого стрела и вылетает.

Для того чтобы пользоваться сумпитаном, нужна известная сноровка. У себя на родине Сэлу считался лучшим стрелком из этого оружия: он мог послать стрелу на пятьдесят и даже на сто ярдов. Но чтобы выстрел на таком расстоянии оказался смертельным, легкого укола тоненькой стрелы недостаточно. Для этого необходим сильный растительный яд. Малаец сумел и его приготовить, прибегнув к дружеской помощи их недавнего врага - анчара. Смешав его сок с соком другого ядовитого растения, Сэлу смочил этой смесью концы стрел. Теперь они стали смертоносны: каждому живому существу, настигнутому ими, грозила немедленная гибель. С таким оружием можно было не опасаться голода, и Сэлу вызвался снабжать дичью весь маленький отряд.

Быть может, некоторым из наших читателей покажется странным, что капитан Редвуд и его спутники не подумали о возможности встретить на своем пути какое-нибудь селение или городишко. Напротив, они часто думали о туземцах не с надеждой найти у них еду и пристанище, а скорее со страхом, потому что все они, не исключая и малайца, наслушались ужасов - вымышленных, конечно, - о даяках и других диких племенах, обитающих в сердце Борнео, и представляли их себе не иначе, как страшными волосатыми дикарями, которые не прочь полакомиться человеческим мясом и любимое занятие которых отрезать головы попавшимся в их руки людям. Поэтому нет ничего удивительного, что наши герои решили тщательно избегать встреч с какими бы то ни было существами, имеющими человеческий облик.

Не правда ли, как нелепо, что человеку, этому высшему из всех живых существ, приходится порой опасаться встречи с себе подобными! Как ни унизительна для человеческого сознания подобная мысль, она сильно угнетала капитана Редвуда и его товарищей, когда, бросив последний взгляд на синие волны океана, они повернулись к нему спиной и двинулись в глубину леса.

Весь первый день шли вдоль реки, той самой, устье которой служило им пристанищем со дня высадки на Борнео. Такой маршрут был избран по многим причинам. Во-первых, река текла с запада на восток; следовательно, поднимаясь вверх по ее течению, путники продвигались бы на запад. Во-вторых, вдоль берега тянулась тропа, проложенная не людьми, а крупным зверем: на мягкой песчаной почве там и сям виднелись следы тапиров и кабанов, а местами попадались и более крупные - следы носорогов.

И странное дело: хотя следы казались совсем свежими, самих животных нигде не было видно. Объяснялось это тем, что все толстокожие животные, которым принадлежали эти следы, покидают свои убежища только по ночам, а днем прячутся в чаще джунглей.

Река была достаточно глубокой, и путники вполне могли бы плыть по ней в пинассе. Сначала так и хотели сделать, но, поразмыслив, решили все же бросить суденышко и идти пешком. Оно было слишком тяжеловесно, чтобы вести его против течения. А кроме того, если бы нашим героям повстречались дикари, то благодаря лодке они заметили бы их раньше, чем были бы замечены сами.

Однако главная причина, почему Редвуд решил бросить лодку, заключалась в том, что недалеко возвышались горы, где, видно, и брала начало река. Течение ее там было, наверно, слишком стремительным для судоходства.

Но даже в том случае, если бы оно оказалось спокойным, путешествие в пинассе не могло длиться более одного дня, а ради этого, думалось Редвуду, не стоило его и начинать. Все с ним согласились, и пинассу оставили там, где она была спрятана, то есть под ветвями большого баньяна.

Предположение Редвуда оказалось правильным. Очутившись к вечеру того же дня у подножия гор, все увидели, как река низвергается с них стремительным и мощным потоком. Не могло быть и речи о том, чтобы по ней прошла лодка. Берег, до сих пор сравнительно пологий и ровный, здесь круто повышался, поэтому было решено разбить лагерь и провести первую ночь пути у подножия гор.

Следующий день ушел на то, чтобы взобраться на гору по размытому потоком ущелью. Только на закате, когда солнце уже исчезло в зеленой чаще простиравшегося перед ними леса, путникам удалось достигнуть вершины; там они увидели источник, из которого начиналась река.

На вторую ночь пришлось остановиться в месте, совершенно лишенном воды, и герои наши жестоко страдали бы от жажды, если бы перенесенные во время блуждания по океану муки не сделали их более предусмотрительными. Уходя от потока, все трое мужчин наполнили водой большие бамбуковые фляги, вместимостью не меньше галлона, висевшие у них на поясе. У детей тоже были такие фляги, только поменьше. Этого запаса вполне хватило бы на то, чтобы пересечь горную цепь.

Остаток ночи провели на вершине горы, которая оказалась такой широкой и так густо

поросла лесом, что западного ее края достигли только на закате следующего дня. И тогда, примерно милях в двадцати от нее, все увидели другую, параллельную ей горную цепь. Между этими двумя цепями простиралась долина, или, вернее, невысокое лесистое плато; лес был очень густ и расступался только вдоль реки, поблескивающей в закатных лучах солнца, словно струйка расплавленного золота.

Плато не было совершенно ровным: там и сям над вершинами леса вздымались холмы, тоже поросшие деревьями, только другой, видимо, породы, о чем говорила более светлая окраска их листвы.

Путники остановились на минуту и, раздвинув ветки, глядели на эту равнину, которую им завтра предстояло пересечь.

Вдруг Сэлу, пристально всматривавшийся в чащу, что-то пробормотал. Разобрав несколько слов и увидев, как изменилось его лицо, все не на шутку встревожились.

- Не надо там ходить! - говорил малаец. - Лутьси воклуг ходить! Там дикий миас ломби. Сингапулский тигл меньше опасный, сем миас ломби. Полтугальцы звать его лызая голила.

- Слышите! Он говорит - рыжая горилла! - воскликнул Редвуд. - Так это же орангутанг!

- Велно, саиб35 капитан! Одни селовек зовут его оланутан, длугие - лызый голила. Миас ломби - самый большой и опасный. Он таскает дети и зенсины. И никто их потом не находить. Оланутан ест их. Мы бояться оландаяк, а лызый голила - оланутан есе хузе.

Несмотря на жаргон малайца, все сразу его поняли. "Лызый голила", или "оланутан", был не чем иным, как хорошо известной человекообразной обезьяной, обитающей на Борнео и Суматре, которая далеко не так безобидна в своих родных лесах, как в клетке зоопарка.

Глава XXIII

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

На следующее утро двинулись в путь позднее обычного. Всю долину окутывал туман, и пришлось дожидаться, пока он рассеется. А рассеялся он лишь тогда, когда солнце, взошедшее позади путников, осветило лежащий перед ними путь на запад.

Во время ожидания снова стали думать над тем, пересечь ли равнину напрямик или попытаться ее обойти. Но когда туман рассеялся, все увидели, что долина очень далеко простирается и вправо и влево и обойти ее нечего и думать. Таким образом, вопрос разрешился сам собой. К тому же капитан Редвуд был уверен, что малаец, вообще склонный к фантазии, сильно преувеличил опасность. Поэтому, отбросив все сомнения, решили отправиться напрямик. Ночь провели у одного из холмов, а наутро снова пустились в путь.

Идти равниной оказалось гораздо труднее, чем по горам, которые не так сильно поросли лесом. Местами высокие, могучие деревья, оплетенные густой сетью лиан, образовали непроходимые дебри, и тогда, чтобы пробраться сквозь их чащу, Сэлу и Муртах пускали в ход топор и крисс.

А скоро путникам встретилось и другого рода препятствие: они попали в заросли гигантского бамбука. Огромные стволы его, до пяти дюймов в диаметре и более пятидесяти футов высоты, местами росли так часто, что, казалось, между ними не проползти и змее.

Можно, конечно, попытаться обойти их, если бы с самого начала знать, как далеко они простираются в длину. Но этого никто не знал. Бамбук в большинстве случаев растет вдоль рек и может тянуться полосой на десять двадцать миль. На островах Индонезийского архипелага существует несколько видов этого гигантского тростника, различных как по величине, так и по другим признакам, но все они известны под общим именем бамбука.

Бамбук является для туземцев тем же, чем некоторые виды пальмы для жителей Южной Америки, особенно побережья Амазонки. Из него изготавливаются все предметы домашнего обихода. Так, например, из бамбука строят дома и каркасы прао, не говоря уже о более мелких предметах, таких, как посуда, бутылки и бочонки для воды, а также многое другое. Чтобы перечислить все вещи, которые можно сделать из бамбука, пришлось бы

исписать несколько страниц.

И вот, несмотря на все достоинства этого растения, его вид был прямо-таки ненавистен нашим героям. И не раз, когда топор Муртаха ударял по твердому стволу бамбука, до спутников доносилось его недовольное ворчанье.

- Хоть бы совсем его тут не было, этого бамбука... ни одной палки... ворчал ирландец.

Но еще больше бесило Муртаха другое препятствие: толстая и липкая паутина огромного, похожего на тарангула, паука. Протянутая от дерева к дереву, эта паутина была похожа на развешанные для просушки неводы или сетки от moskitov и опутывала весь лес. Порой на протяжении сотен ярдов путникам приходилось испытывать на лице и шее противное прикосновение этого клейкого и вязкого вещества, обрывки которого, похожие на шерстяную пряжу или клочья ваты, висели на их одежде. Местами паутина была так плотна, что приходилось сквозь нее продираться. Время от времени путники видели спасающегося от них паука; спрятавшись в расщелине, он поглядывал на дерзких нарушителей своего покоя, вторгшихся туда, где никогда не ступала нога человека.

И, наконец, еще одно обстоятельство тормозило продвижение маленького отряда по лесистой долине, а именно: большие участки влажной, болотистой почвы, на которых росли высокие лесные деревья и которые часто переходили в поросшее осокой болото с маленьким озерцом или большой лужей посередине. Тогда люди шагали чуть ли не по колено в жидкой грязи и густой застоявшейся воде, покрытой тиной. Здесь в полумраке, вечно царящем под сводами листвы, не пропускающей ни единого луча солнца, то и дело мелькали огромные, как крокодилы, парусные ящерицы. Увидев людей, они уползали не спеша с их пути, словно раздумывая, стоит ли уступать им дорогу.

И тем не менее эти болотистые участки были желанны людям. Только с них могли путники видеть солнечный диск, служивший им компасом. Остальное время приходилось двигаться наугад, так как солнце скрывал непроницаемый покров ветвей над их головами. К тому же болота вносили некоторое разнообразие в монотонный и утомительный путь и давали возможность отдохнуть от постоянного напряжения.

Однако в том случае, если болото встречалось в полдень, приходилось несколько часов переждать, потому что солнце под экватором не дает в это время тени и, следовательно, по нему нельзя определить направления. Но герои наши не сетовали на задержку в пути. Полдень в тропиках невыносимо зноен; солнце палит нещадно, а воздух насыщен удушливыми испарениями. Так что истомленные люди были даже рады передышке и возобновляли путь поближе к закату, когда от деревьев ложатся длинные тени. Ближайшей их целью была полоска воды посередине долины. Они увидели ее еще со склона горы и тогда же решили сделать у этой воды большой привал. С высоты казалось, что до нее можно дойти за каких-нибудь несколько часов - по крайней мере, не позднее, чем к вечеру того же дня; добрались же только на третий день после заката. Вода оказалась озером.

Едва очутившись на его берегу, люди, истомленные долгим и трудным переходом, повалились на землю и тут же крепко уснули, забыв обо всем на свете, даже о рыжих гориллах.

Глава XXIV РЫЖИЙ САТИР36

На следующее утро проснулись очень поздно. Через силу поднявшись, приготовили завтрак из копченого окорока. То был уже второй из захваченных ими в дорогу кабаньих окороков. И он тоже подходил к концу, потому что путешествие длилось уже вторую неделю. Необходимо было возобновить запас продовольствия; это-то, собственно, и явилось одной из причин их намерения сделать большой привал.

Сэлу подготовил свое духовое ружье, капитан Редвуд прочистил винтовку, а Муртах, который был специалистом по рыбной ловле и постоянно таскал с собой удочку и крючки, решил попытать счастья - не окажется ли здешняя рыба менее робкой, чем ее приморские

собратья. И вот снова трое мужчин отправились каждый в свою сторону: Муртах - к озеру, а капитан и Сэлу, вооруженный сумпитаном, - в лес.

Генри и Эллиен остались под сенью дерева, где провели ночь.

На сей раз, прежде чем расположиться под ним, тщательно осмотрели его со всех сторон; оно казалось совсем неизвестной им породы, не похожей ни на дуриан, ни на анчар.

Детям строго-настрого приказали никуда отсюда не уходить до возвращения взрослых.

Но Генри, в общем довольно послушный мальчик, не отличался особым благоразумием. Как истый уроженец Нью-Йорка, он был слишком развит для своего возраста и чересчур смел и решителен. Одним словом, это был человек, в детской груди которого билось храброе сердце мужчины.

Поэтому, когда мальчик увидел, что на маленький, вдающийся в озеро мыс опустилась огромная птица, он не мог преодолеть искушения пальнуть в нее из мушкета. Птица эта, с очень длинными тонкими ногами и ростом выше самого мальчика, была индийским зобастым аистом.

Генри схватил мушкет, такой тяжелый, что зашатался под его тяжестью, и стал осторожно подкрадываться к аисту, оставив Эллиен одну под деревом.

Пробираясь среди росшего на берегу тростника, мальчик был не дальше чем на расстоянии выстрела от птицы, как вдруг его приковал к месту пронзительный, полный ужаса крик.

Кричала Эллиен.

Генри поспешно обернулся и понял причину ее страха: возле нее стоял человек. И как же он был страшен! Никогда за всю свою жизнь, ни наяву, ни в самых кошмарных снах, не видел мальчик столь отвратительного и жуткого страшилища, как то, что стояло теперь, склонясь над его сестрой и протянув к ней свои длинные руки.

Сердце Генри, хотя он и находился на более безопасном от незнакомца расстоянии, чем Эллиен, затрепетало от ужаса, когда он увидел, что все тело чудовища покрыто густой ярко-рыжей шерстью, такой же длинной и косматой, как у медведей. На голове шерсть была реже и темнее.

Можно с уверенностью сказать, что никто из детей никогда не видал подобного страшилища.

Глава XXV

СНОВА ТИШИНА

Сначала это ужасное существо, несмотря на свой странный вид, показалось Генри человеком. Но уже в следующий момент мальчик сообразил, что перед ним обезьяна, а гигантский размер животного подсказал ему, что это рыжая горилла, или орангутанг.

Генри вспомнил рассказы Сэлу. Нельзя, правда, сказать, чтобы ему стало от этого легче. Как ни храбр был мальчик, при виде лохматого чудовища он не мог подавить испуга - не столько за себя самого, сколько за сестру, которая была совсем рядом с обезьяной. Миг - и зверь схватит девочку. Первым побуждением Генри было броситься к обезьяне и выстрелить ей в морду. Но в тот самый миг, когда он уже собирался это сделать, Эллиен, повинувшись инстинкту самосохранения, отпрянула за дерево к притаилась. Увидев, что обезьяна вовсе не собирается ее преследовать и повернула к берегу, Генри остался на месте.

Мужественный мальчик решил не стрелять до тех пор, пока действия оранга не станут явно угрожающими.

Сэлу рассказывал, что эти обезьяны, если их не трогать, совершенно безобидны, за исключением того времени, когда они охраняют своих детенышей. Тогда самое лучшее не попадаться им на глаза: они набрасываются на каждое живое существо, дерзнувшее подойти слишком близко к их гнезду.

Раненый или чем-нибудь раздраженный оранг переходит от обороны к нападению и

яростно преследует противника.

Помня все это и надеясь, что животное мирно пойдет своим путем, Генри опустил мушкет и залег в густую траву.

И правильно сделал. Волосатое чудовище продолжало спокойно шествовать к берегу, будто и не подозревая о близком присутствии людей. К счастью для мальчика, путь, которым шел оранг, не пересекал того места, где он прятался. Очевидно, целью обезьяны было добраться до зарослей водяных лилий возле самого берега. Генри знал, также со слов малайца, что оранги питаются фруктами, а в том случае, если фруктов почему-либо не окажется, едят сочные листья и стебли водяных растений, которыми изобилуют прибрежные воды тропических рек и озер. Вероятно, этому косматому господину не хватало росших поблизости фруктов, и он решил дополнить свой стол простыми овощами.

Вот орангутанг достиг озера и, зайдя по колени в воду, принялся жадно пожирать растения, сгребая их к своей огромной, как у гиппопотама, пасти широкими, будто взмахи косы, движениями длинных рук. Он без передышки жевал сочные побеги, всем своим видом напоминая жующего жвачку быка.

Надеясь, что страшилище, занятое таким безобидным делом, не заметит его, Генри вскочил и быстро, но осторожно, стараясь ничем не привлечь к себе его внимания, побежал к дереву. Там он крепко обнял чуть живую от страха сестру и попытался как умел успокоить ее, изгладить в ее душе жуткое впечатление от встречи с рыжей гориллой.

Глава XXVI

В ТРЕВОЖНОМ ОЖИДАНИИ

Но, успокаивая сестренку, мальчик и сам еще не был вполне уверен в безопасности. Волосатое чудовище находилось в какой-нибудь сотне ярдов от них и в любой момент могло оставить свою трапезу, чтобы наброситься на детей. Надо было что-то предпринять для своего спасения. Но что? Бежать в лес и попытаться разыскать там отца и Сэлу? Мальчик боялся заблудиться и этим еще более ухудшить положение. Ведь должна же была обезьяна в конце концов наестся и вернуться в лес! И тогда ей ничего не стоило бы поймать детей.

Идти на поиски Муртаха? Но и это грозило окончиться неудачей, потому что дети не знали, в каком направлении он пошел.

Брат и сестра, как ни молоды были оба, сообразили, что самое лучшее остаться на месте.

Но как, в таком случае, привлечь к себе внимание отсутствующих? Кричать? Нет, нельзя: это прежде всего обратило бы на них внимание оранга и - что, пожалуй, самое главное - было бы совершенно бесполезно. Ведь Эллен кричала уже, когда увидела обезьяну, и, если бы взрослые могли слышать, они, разумеется, давно прибежали бы на ее тревожный крик. А если так, значит, кричать было не только опасно, но просто-напросто глупо.

Итак, детям оставалось лишь тихонько сидеть на прежнем месте, дожидаясь, пока придет кто-нибудь из взрослых, и стараясь не попасться на глаза орангу. Генри увлек сестру за дерево. Притаившись там, они стояли спиной к лесу и сквозь листву ползучих орхидей, оплетающих ствол, разглядывали оранга, не подвергаясь в то же время риску быть им увиденными. Дети настороженно следили за каждым его движением и трепетали от страха. А как развлекло бы их это зрелище при других, более благоприятных обстоятельствах! Вот огромная человекообразная обезьяна вытягивает свои длинные, в добрых четыре фута, волосатые руки, захватывает большую охапку водяных лилий и, набив полный рот, жует их; потом, выплюнув стебли, тянется за новой охапкой. Время от времени оранг делает шаг-другой в гущу зарослей, чтобы достать особенно понравившееся ему растение.

Генри и Эллен уже несколько минут смотрели на эту редкостную картину; они дрожали от ужаса, то и дело поглядывая на лес и прислушиваясь, не идет ли кто из их маленького отряда.

Но нет, прошло уже много времени, а решительно ничто - ни звук человеческой речи,

ни крик испуганной птицы - не говорило о приближении людей.

Обезьяна все паслась, но ела уже с меньшей прожорливостью. Она стала более разборчива и, прежде чем отправить в рот охапку, подолгу копалась, отыскивая самые крупные и сочные растения. Аппетит ее был удовлетворен, и она подумывала о возвращении в свое гнездо. Где находится это гнездо, дети не знали: далеко в лесу или на одном из деревьев, росших вокруг, - быть может, даже на том самом дереве, за которым они прятались... Где бы оно ни находилось, важно было то, что приближался решительный момент.

Брат и сестра дрожали при мысли, что им вот-вот предстоит оказаться в косматых лапах страшилища. Каково-то будет им в его объятиях? Если обезьяна захочет взять лишь одного, Генри прекрасно понимал, кто должен быть этим "одним". Мужественный мальчик твердо решил пожертвовать собой, чтобы спасти сестру. Схватив мушкет, он воскликнул:

- Слушай, Нелли! Если дело дойдет до борьбы и ты увидишь, что я поднял мушкет, отойди подальше и не вмешивайся. Я выстрелю только тогда, когда обезьяна подойдет вплотную. Сэлу говорил, что нельзя промахнуться: животное свирепеет от этого еще больше. И что бы ни случилось, Нелли, ты не тревожься. Отец или еще кто-нибудь из наших непременно услышат выстрелы и спасут меня. Сестренка, родная, обещай, что, если оранг нападет на меня, ты убежишь подальше и будешь дожидаться отца!

- Нет, Генри! Ни за что! Я не могу. Братик, любимый! Я все равно не смогу жить без тебя! И если ты погибнешь, я хочу умереть с тобой вместе...

- Не надо, Нелли, не смей так говорить! Все будет хорошо... Мы убежим... Оранг неуклюжий и не очень-то быстро передвигается по земле. Знать бы только, в какую сторону он отправится... Но что бы ни случилось, ты слушайся меня, и все будет хорошо.

Пока они таким образом спорили: Генри - настаивая, Эллен - возражая, - с обезьяной произошло что-то странное. Она внезапно бросила есть и порывисто вскочила. И сделала она это вовсе не потому, что ей пора было уходить: порывистость движений и свирепое рычание явно говорили об испуге и сопровождалось хриплым лаем, таким, какой издает взбешенный бульдог, когда намордник мешает ему пустить в ход челюсти. Причем вскочила она не вертикально, как то сделал бы встревоженный человек, а на четвереньки, и, так как руки животного были значительно длиннее ног, она продолжала сохранять полунаклонное положение туловища.

Обезьяна стояла в вызывающей позе; весь ее вид говорил, что она поджидает своего извечного, хорошо ей знакомого врага.

Щеки оранга непомерно раздулись, волосы на голове встали дыбом, глаза под сильно выдающимися надбровными дугами сверкали, как раскаленные угли, а огромная пасть оскалилась двумя рядами острых зубов.

Но что же его так встревожило? Разве могло хоть одно живое существо, обитающее в лесах острова Борнео - будь то двуногое, четвероногое или пресмыкающееся, - соперничать с этим волосатым гигантом, который совмещал в себе качества всех перечисленных животных и был вдвое сильнее каждого из них! Сэлу говорил, что такого животного нет. Но враг приближался не со стороны леса... То был самый крупный из когда-либо виденных детьми крокодилов. По форме тела и по тому, как он бросками передвигался между водорослями, оба тотчас же узнали в нем обитателя индийских рек и озер гавиала.

Глава XXVII

ПОЕДИНОК МЕЖДУ ЛЕСНЫМИ ЧУДОВИЩАМИ

Когда дети увидели гавиала, он находился уже почти возле обезьяны.

Брат и сестра были уверены, что наземное животное отступит перед своим еще более грозным, чем оно само, противником.

Действительно, обезьяна отскочила от воды; однако, сделав несколько больших прыжков на четвереньках, она остановилась на более возвышенном и сухом месте, поджидая

врага.

И тут дети получили возможность убедиться в справедливости слов малайца, говорившего, что ни в лесах, ни в реках Борнео нет такого зверя, которого испугался бы рыжий орангутанг. Даже гавиал - пожалуй, самый страшный из хищников - и тот, как видно, не устранил огромную обезьяну.

В самом деле, если бы оранг испугался, что мешало ему скрыться в лесу или хотя бы просто отбежать подальше от берега? Гавиал вряд ли стал бы преследовать его. Оранг же, наоборот, вел себя так, словно вызывал врага на бой.

Остановившись неподалеку от гавиала, он продолжал хрипло лаять и фыркать, напоминая этим, как мы уже сказали, разозленного бульдога, которому намордник мешает укунить врага. В то же время обезьяна яростно рыла землю и, выдирая траву, злобно швыряла ее в широко разинутую пасть гавиала. Но чешуйчатое чудовище не обращало на это ни малейшего внимания и все приближалось. Ни устрашающие звуки, ни странные жесты разъяренного оранга не производили на него ровно никакого впечатления. Да, вероятно, и вообще никакая угроза не тронула бы его. Уверенный в своих силах, надежно защищенный крепким чешуйчатым панцирем, гавиал никого не боялся, словно зная, что на всем острове нет существа, которое устояло бы в борьбе с ним. Поэтому он решительно надвигался на дерзкого противника, вторгшегося в его владения, видимо принимая эту скрюченную фигуру за одного из даяков, множество которых уже стали его жертвами.

На сей раз, однако, гавиал жестоко ошибся. Его ввела в заблуждение мнимая нерешительность оранга.

Когда обезьяна остановилась, гавиал тоже задержался и, погрузившись в воду, ожидал, пока отступление возобновится. Прележав несколько секунд неподвижно и видя, что враг не только не намерен бежать, а, наоборот, принял угрожающую позу, гавиал осторожно выполз из-под прикрытия тростника и, опершись на сильные передние лапы и хвост, сделал сильный скачок в сторону обезьяны и крепко схватил ее поперек туловища мощными челюстями, которые буквально утонули в ее густой рыжей шерсти. Дети были уверены, что сейчас гавиал утащит свою косматую жертву в озеро, и уже радовались своему избавлению; но секунда - и обезьяна разрушила их надежду. Рванувшись из пасти гавиала, она проделала колоссальный прыжок вверх и немного в сторону и в следующее мгновение очутилась верхом на его спине. Потом, не дав несчастному опомниться, она вторым прыжком перескочила ему на шею и, крепко стиснув его лопатки меж своих коротких и крепких ног, принялась душить врага.

И вот между чудовищами завязалась борьба не на жизнь, а на смерть, борьба причудливая и страшная, какую можно увидеть лишь в джунглях Борнео или Суматры. Мало кому из людей случается быть свидетелем такой борьбы. Только охотникам-даякам удается иногда наткнуться на нее, бродя среди болот и джунглей или вдоль пустынных берегов. Гавиал всячески пытался сбросить с себя волосатого наездника, который прочно, как в седле, устроился на нем. Чего только не делал он для этого! Щелкал, как из пистолета, своими огромными челюстями, бил длинным и сильным хвостом о землю, пока она не стала под ним совершенно голой, словно кто-то косой скосил всю траву, извивался и крутился самым невероятным образом... Но все его ухищрения были тщетны: обезьяна восседала на его шее так же прочно, как мексиканец на необъезженном муле. Одной из рук она туго сжимала гавиалу шею, другой же все время размахивала в воздухе, будто искала для нее опоры. Дети недоумевали, что бы могли означать эти странные движения. Но вскоре им все стало ясно. Надо сказать, что, разевая пасть, гавиал высоко поднимает верхнюю челюсть. На это-то и рассчитывала обезьяна. Выждав момент, когда челюсть гавиала оказалась торчащей вверх, она ухватила за нее второй рукой. Неискушенному зрителю показалось бы, что теперь для обезьяны все потеряно и сейчас гавиал перекусит ей руку. Но старая и опытная обезьяна знала, что делает. Она вовсе не собиралась позволить гавиалу сомкнуть пасть. Крепко ухватившись за самое узкое место его верхней челюсти, обезьяна вся напряглась и, еще крепче сдавив ему лопатки, изо всей силы рванула челюсть. Послышался хруст сломанной

кости, затем последовала отчаянная борьба, и гавиал вытянулся недвижимым; он не был еще мертв, а лежал на земле, содрогаясь всем туловищем и подергивая хвостом; но слабые судороги становились с каждой секундой слабее и слабее...

Рыжий орангутанг, отделавшись от врага и чувствуя себя победителем, выпустил наконец жертву из своих цепких объятий и, отскочив немного в сторону, уселся на корточках, с диким и торжествующим ревом глядя на поверженного врага.

Глава XXVIII

ВЕРА В ПРОВИДЕНИЕ

Быть может, некоторым из наших читателей все это приключение с гавиалом и обезьяной покажется простым вымыслом, плодом авторской фантазии, чем-то вроде охотничьих рассказов. Но подобная мысль может прийти в голову лишь тому, кто плохо разбирается в естествознании; натуралист же, прочтя эту главу, сразу признает все в ней рассказанное правдивой сценкой из жизни тропических животных. И хотя подобные явления не часто совершаются на глазах человека, тем более человека цивилизованного, обитателям глубинных районов Борнео порой случается их наблюдать. Попросите любого охотника этого острова - и он расскажет вам не одну такую историю, добавив, что миас ромби, что означает орангутанг, или рыжая горилла, превосходит по силе всех зверей в джунглях и что лишь двое из животных дерзают нападать на него это гавиал и большой питон, или удав. С последним из названных животных, огромной змеей, наши герои уже имели случай познакомиться. Охотник расскажет вам также, что орангутанг выходит победителем даже из поединков с этими смелыми и сильными противниками, несмотря на то что каждый из них достигает двадцати - тридцати футов в длину и оба равны ему по силе.

Вообрази, читатель, змею и ящерицу размером в десять ярдов! Такое животное свободно растянулось бы из угла в угол комнаты, где вы сейчас сидите, даже если эта комната и очень велика, или от стены одного дома к стене другого, поперек вашей улицы. В музеях не часто встретишь подобный экземпляр, потому что они очень редко попадают к нашим натуралистам и путешественникам. Но, поверьте мне на слово, такие и даже еще больших размеров животные существуют; причем их можно найти не только на островах тропического востока, но и на западе: в лесах и лагунах экваториальной Америки. Недавно было установлено, что многие из охотничьих рассказов, к которым, из-за грубоватости их языка, мы привыкли относиться так пренебрежительно, описывают подлинные, не противоречащие научным исследованиям факты. И хотя факты эти преподносятся читателю в несколько романтической форме, он не должен питать к ним ни малейшего недоверия или пренебрежения. Если же когда-нибудь ему доведется побывать на островах Ост-Индского архипелага, это окончательно исцелит его от всяких сомнений.

Разумеется, Генри Редвуд и его сестра, глядя из-за прикрытия ветвей на борьбу двух отвратительных и по силе равных друг другу чудовищ, не могли рассуждать столь хладнокровно, как говорим обо всем этом сейчас мы.

Инстинкт справедливости заставил их невольно стать на сторону слабейшего, которым вначале была обезьяна. Однако чувство справедливости боролось в их душах со страхом, что, если победителем окажется орангутанг, им снова будет грозить опасность попасть в его лапы. Тогда как в случае победы пресмыкающегося они навсегда освободились бы от оранга.

Потому-то теперь, когда борьба наконец окончилась, дети, стоя за деревом, дрожали от ужаса за свою дальнейшую судьбу.

Как мы уже говорили, смертельно искалеченный гавиал был все еще жив. Его длинное тело трепетало в предсмертных конвульсиях, которые с каждой секундой ослабевали. А рыжий оранг сидел рядом с ним на корточках и, потрясая время от времени у себя над головой косматыми руками, разражался диким отрывистым хохотом.

Казалось, он никогда не кончит ликовать по поводу одержанной победы. Проявления восторга были так ужасны, что наблюдавшие за этой сценой дети должны были бы, казалось,

от души желать, чтобы она поскорее окончилась.

И все же они не желали этого - настолько велик был их ужас перед обезьяной. Наоборот, им хотелось, чтобы восторг ее длился до тех пор, пока не послышатся шаги возвращающихся с охоты мужчин.

Но как ни напрягали Генри и Элен свой обостренный сознанием опасности слух, они не могли уловить ни малейшего звука, похожего на шаги или голоса людей.

Время от времени раздавались только крики птиц и четвероногих обитателей джунглей, но в этих криках не слышалось тревоги - значит, охотники были далеко. Что, если они придут слишком поздно?

У Генри снова мелькнула было мысль о мушкете, однако он тут же сообразил, что отец и матросы, зная о его умении обращаться с этим громоздким оружием, могли подумать, что он просто стреляет по дичи. Таким образом, выстрел не только не оказал бы нужного действия, а, наоборот, как мы уже говорили, привлек бы к ним внимание обезьяны. И что оставалось бы тогда мальчику делать с пустым мушкетом? Как защитил бы он сестру и себя самого? Нет, лучше уж не стрелять, а положиться во всем на волю Провидения.

Рыжий орангутанг, вволю насладившись agonией врага, отвел наконец взгляд от гавиала и поглядел на лес, видимо собираясь туда вернуться. Решительный момент приближался... Каким же путем отправится обезьяна?..

Брат и сестра не успели не только обмолвиться об этом ни единым словом, но даже подумать, как чудовище уже вскочило на ноги и направилось прямо в их сторону.

Глава XXIX

МАЛЕНЬКАЯ ПЛЕННИЦА

- Мы пропали! - невольно вырвалось у Генри; и он тут же пожалел об этих словах. Ему следовало бы успокаивать и ободрять сестру, а он своим возгласом еще больше встревожил ее.

Как бы то ни было, вернуть сказанное он уже не мог, да и некогда было. К их дереву, неуклюже пошатываясь, но очень быстро приближался орангутанг. Вот-вот он достигнет места, где, крепко прижавшись друг к другу, стоят дети... Весь вид чудовища говорил о его крайнем возбуждении, вполне естественном после только что пережитой им борьбы.

Если оно увидит сейчас детей, плохо придется им - обезьяна не замедлит излить на них всю свою ярость.

Если увидит!.. Да они были твердо уверены, что животное уже их увидело. Зайти за дерево и спрятаться в ползучих растениях по другую его сторону? Так они и сделали. Только укрытие-то было не очень надежным. Если бы обезьяна, проходя мимо дерева, вздумала оглянуться, то непременно увидела бы их. А она как раз и шествовала к этому дереву, собираясь, видимо, на него вскарабкаться.

Генри опять подумал о бегстве, но было уже поздно. Бежать пришлось бы по совершенно открытому пространству; обезьяна тотчас же заметила бы их, и они очутились бы в ее лапах, не успев добежать до леса. Мальчик горько сожалел, что упустил подходящий для бегства момент. Заблудись они даже в лесу, им и тогда было бы лучше, чем теперь.

Правда, лес начинался совсем близко от того дерева, за которым они скрывались, но, перебегая между стволами деревьев, они оказались бы на виду у оранга. Приходилось выбирать одно из двух: бежать, рискуя попасть обезьяне в лапы, или оставаться на месте и надеяться, что животное пройдет мимо, не заметив их. Дети предпочли последнее. Крепко держась за руки и затаив дыхание, они прильнули к стволу со стороны, противоположной той, откуда шла обезьяна. Им уже не было ее видно; боясь, как бы животное не заметило их, они теперь не решались не только высунуть голову из-за дерева, но даже глядеть сквозь густую сеть ползучих растений. Ведь, не зная об их присутствии, обезьяна вполне могла пройти мимо и убраться в лес, - думал Генри. На случай же, если бы она все-таки их увидела, отважный мальчик собрал всю свою энергию и присутствие духа и приготовился к борьбе.

Держа заряженный мушкет наготове, он намеревался, как только орангутанг подойдет вплотную, выпустить пулю прямо в лоб рыжему сатиру.

Оба стояли так тихо, что могли слышать громкое биение своих сердец.

Им казалось, что обезьяна давно бы уже должна миновать дерево. Задержало ли ее что-нибудь в пути или она повернула в другую сторону? Детей страшно мучила эта неопределенность.

Генри хотел выглянуть, но вдруг они услышали какое-то царапанье по другую сторону ствола и поняли, что обезьяна скребет когтями по коре их дерева. Мгновенье спустя тот же звук послышался немного выше. Дети догадались, что зверь лезет на дерево. А так как дерево было очень высокое, с густой кроной и все опутано сетью ползучих растений, то, взобравшись на него, обезьяна не могла бы их видеть оттуда, и они благополучно перебежали бы в более безопасное место.

Генри уже поздравлял себя с удачным избавлением от опасности, как вдруг неожиданное происшествие мгновенно превратило эту счастливую для детей развязку в ужасную катастрофу.

Невольной причиной несчастья был ирландец.

Возвращаясь с рыбной ловли, он увидел на берегу умирающего гавиала, длинное тело которого все еще корчилось в судорогах.

Не зная причины гибели животного, Муртах порядком удивился, а отчасти и встревожился. Когда же он взглянул на дерево, под которым оставались Генри и Эллен, и не нашел их там, тревога его, разумеется, возросла еще больше. Однако, может быть, и теперь еще все кончилось бы благополучно, сохрани ирландец спокойствие. Но в том-то и беда, что, увидев карабкавшегося на дерево оранга, Муртах испустил пронзительный вопль. Ему представилось, что рыжее страшилище сожрало детей. Этот-то крик все и погубил. Несмотря на звучащее в нем отчаяние, он показался детям радостным кличем победы; они выбежали из укрытия и сразу попались на глаза обезьяне.

Когда раздался возглас Муртаха, обезьяна была всего футах в двадцати от земли; услышав крик, она обернулась; сверкающий, как раскаленные угли, взгляд ее черных глаз упал на мальчика с девочкой и вспыхнул адским огнем. В ней тотчас же пробудилась вся ее недавняя свирепость, и, вновь разразившись своим хриплым, лающим хохотом, она кинулась на ближайшего из детей.

К несчастью, ближайшей оказалась Эллен. Увидев, что зверь напал на девочку, Муртах бросился ей на помощь, а Генри попытался так стать между чудовищем и ее жертвой, чтобы выстрел пришелся обезьяне в морду и в то же время не ранил сестру.

И мальчику, бесспорно, удалось бы это, не подведи его ружье - старый кремниевый мушкет. Во время долгого пути по насыщенным влагой джунглям в нем отсырела затравка, и вот теперь оно не только не выстрелило, но даже искры не дало.

Тогда Генри схватил, ружье за ствол и, действуя им, как дубиной, принялся что было сил дубасить косматого гиганта по голове. Однако густая копна жестких волос служила орангутангу прекрасной защитой, и удары отскакивали от его черепа, как от деревянного, не принося ему ни малейшего вреда.

Не успел мальчик нанести и четырех ударов, как обезьяна протянула к Эллен длинную руку, обхватила девочку вокруг талии и, прижав ее к своей косматой груди, снова полезла на дерево. Кричать было бесполезно. Мальчик сделал все возможное, чтобы задержать похитителя, но тщетно. Он обеими руками крепко уцепился за ногу орангутанга и повис на ней. Обезьяна поднялась вместе с ним на несколько футов, а потом, сильно дернув ногой, стряхнула его, и он, оглушенный, упал без сознания на землю. Но и в обмороке в ушах его, ни на секунду не умолкая, звучали вопли сестры. Впрочем, сознание очень скоро вернулось к Генри, и он открыл глаза; а едва открыв, устремил их на дерево. Он увидел, что рыжая обезьяна все еще держит Нелли в объятиях, унося ее все выше и выше, будто намереваясь подняться на самую вершину.

Глава XXX ЧТО БУДЕТ С ДЕВОЧКОЙ?

Невозможно описать отчаяние, овладевшее Генри, когда он стоял, закинув голову, под деревом и беспомощно смотрел, как орангутанг уносит его сестру, чувствуя себя бессильным ей помочь.

Не меньше, пожалуй, было горе и Муртаха. Ведь несчастный ирландец любил Эллен, как родную дочь.

Оба, и матрос и мальчик, считали девочку погибшей. Обезьяна разорвет ее своими огромными когтями, - думали они. Они видели, что оранг уже оскалил желтые клыки. Не стоит и пытаться передать чувства, бушевавшие в груди этих людей...

Капитан Редвуд и Сэлу, возвращавшиеся с охоты, еще издали услышали вопли девочки и крики Муртаха и Генри; последние двести - триста шагов они бежали, спеша узнать, в чем дело. Однако и с их приходом положение не стало легче. Просто группа отчаявшихся людей увеличилась на два человека - только и всего.

В просветах листвы еще можно было различить обезьяну. Но капитан Редвуд и не пытался по ней стрелять. Он со своей винтовкой чувствовал себя в этот момент столь же беспомощным, как если бы у него в руках была простая палка. То же чувство испытывал и малаец со своим сумпитаном.

Разумеется, они могли бы убить обезьяну: капитан - прострелив ей из ружья череп, а Сэлу - пустив в нее ядовитую стрелу. Но что толку это делать? Ведь вместе с орангутангом погибла бы, упав с дерева, и Эллен, так как падать ей пришлось бы с высоты не менее ста футов. Тогда как теперь девочка была, по крайней мере, жива и невредима. До стоявших внизу людей доносились ее крики, и они видели, что она отбивается от страшных объятий оранга, уносящего ее все дальше ввысь...

Редвуд и Сэлу боялись, стреляя по обезьяне, уменьшить и без того малую возможность спасения девочки.

Поистине эта сцена представляла для безутешного отца душераздирающее зрелище!

Но вот, пока несчастный Редвуд, его сын и товарищи стояли, не зная, что предпринять, обезьяна изменила направление и перешла на одну из больших горизонтальных ветвей, протянувшихся навстречу кроне соседнего дерева: ветви обоих деревьев, несмотря на большое - не менее пятидесяти футов расстояние между их стволами, тесно переплетались. Намерение обезьяны было ясно: она хотела перейти с одного дерева на другое, потом на следующее и так далее - словом, утащить девочку в самые дебри.

Так и случилось. Пробежав по земле в том же направлении, в котором передвигался по дереву оранг, все увидели, как он, вытянув руку, ухватился за ветку соседнего дерева и перемахнул на нее с легкостью белки. И при этом он действовал только одной рукой, другой прижимая к себе Эллен. Но ведь известно, что у обезьян задние конечности не менее подвижны, чем передние; а для лазания по деревьям вполне достаточно и трех.

Исчезнув на секунду в чаще листвы, оранг в следующий момент вынырнул с противоположной стороны кроны и перескочил на третье дерево, унося все дальше и дальше в лес свою драгоценную ношу.

Обезумевший от горя отец бежал с бесполезной винтовкой в руках, не спуская глаз с обезьяны.

Не менее бесполезным оружием был сейчас и мушкет, из которого Генри так и не вынул отсыревшую затравку. Сухая она или мокрая - какое это имело теперь значение!

Любое оружие принесло бы в их положении не больше пользы, чем удочки в руках ирландца.

Обезьяна мчалась все дальше и дальше, перелетая с дерева на дерево, а люди внизу продолжали преследование, хотя никто из них и не помышлял о том, чтобы ее остановить. Они бежали почти машинально, лишь бы не упустить животное из виду. Может быть, в глубине души у них еще и теплилась слабая надежда, что какой-нибудь непредвиденный

случай поможет им спасти девочку.

Но трудно было рассчитывать на случай. Единственное, что оставалось, - это уповать на высшую силу; только она могла настигнуть и поразить похитителя.

Капитан Редвуд не был в полном смысле слова тем, что принято называть религиозным человеком, то есть строгим блюстителем всех церковных традиций, но он свято верил в существование Провидения, заботящегося о судьбах людей. Поэтому в его бессвязных возгласах звучала горячая мольба к Богу:

- Эллен! Дитя мое! О Господи! Что с ней будет... Защити и спаси ее, милосердный отец наш!

Глава XXXI НЕОЖИДАННОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

В то время как рыжий орангутанг, перелетая с одного дерева на другое, уносил Эллен все дальше в чащу леса, внизу от ствола к стволу, с трудом расчищая себе дорогу среди густых зарослей, бежали беспомощные преследователи обезьяны.

Никто из них не мог бы сказать, чем кончится эта странная погоня; никому из них не приходилось до сих пор не только участвовать в подобной охоте, но и слышать о ней. Да и не только им, а наверно, вообще никому на свете.

Они даже и не пытались строить предположения о том, чем все это может кончиться, и только старались не упустить обезьяну из виду.

Эллен уже не кричала. С ее губ не слетало теперь ни звука. В чем дело? Жива ли она? Может быть, это всего лишь обморок, а может быть, обезьяна задушила ее в своих мощных объятиях?

Отец старался убедить себя, что девочка, естественно, должна была потерять сознание от такого ужаса. Но никто не знал точно, жива ли она.

В погоне за обезьяной приходилось пробираться непроходимыми дебрями тропического леса. Ветви деревьев, переплетаясь над головой, образовали мрачные своды, с которых свисали гирлянды листьев и ползучих растений.

Временами фигура убегавшей обезьяны исчезала в полутьме этих сводов, и ее легко было совсем потерять из виду, но белое платье Эллен служило путеводным знаком. Изорванное в клочья, оно развевалось, как вымпел на ветру. А когда своды листья оказывались менее плотными, все отчетливо видели и пленницу и ее рыжего похитителя. Но даже и в эти редкие моменты невозможно было разглядеть лицо девочки; стоявшим внизу людям казалось, что оно прижато к косматой груди обезьяны, а мягкие косы Эллен смешались с длинной рыжей шерстью животного, образуя причудливый контраст. Не только лицо, но и вся фигура Эллен виднелась недостаточно отчетливо; однако, судя по тому, что им удалось разглядеть, девочка была жива.

Чудовище не хотело, видно, причинять ей никакого вреда. Однако для нежного тельца девочки малейшее неосторожное движение грубого зверя могло оказаться смертельным.

Даже самый красноречивый человек не сумел бы описать переживаний несчастного отца. Есть чувства, которые не в состоянии выразить словами ни один поэт, как бы талантлив он ни был.

Вначале Редвуд, вероятно, еще не вполне сознавал всю тяжесть своей утраты. Азарт преследования и надежда, что в конце концов им поможет какая-нибудь счастливая случайность, спасали капитана и его спутников от полного отчаяния.

Наступил, однако, момент, когда несчастные поневоле должны были признать, что все их надежды рухнули: у ног их внезапно заискрилась в полумраке вода, и они увидели, что стоят на берегу озера.

Стволы деревьев вздымались здесь прямо из воды, а кроны их переплетались точно так же, как и над сушей. Похититель мог, таким образом, преспокойно продолжать свой путь; преследователи же вынуждены были остановиться, не имея никакой надежды возобновить

погоню.

Некоторое время орангутанг с развевающимся белым платьем-флагом еще мелькал в отдалении, но вскоре скрылся из виду, и стоявшие на берегу люди слышали только треск ломаемых сучьев и свистящие, будто взмахи хлыста, звуки веток, когда обезьяна перелетала с одного дерева на другое.

Орангутанг со своей жертвой был теперь далеко. Муртах и Сэлу подхватили с обеих сторон капитана Редвуда под руки, иначе он упал бы на землю. Полулежа у них на руках, убитый горем отец безутешно рыдал:

- Эллен! Дитя мое! Что с ней будет! О Боже, защити и спаси ее!..

Глава XXXII ГОЛОСА ВО ТЬМЕ

Несколько секунд капитан Редвуд был в полном отчаянии. Не меньше страдал и Генри. Оба они - и отец и сын - понесли тяжкую утрату и испытывали теперь невыразимо жестокие муки. Подумать только, Эллен, их любимая маленькая Элли, в лапах этого отвратительного существа - не то человека, не то зверя, соединяющего в себе худшие качества того и другого!

Быть может, она уже задохнулась в его мерзких объятиях... А если и нет, то ей предстоит страшная смерть: чудовище может разорвать ее своими огромными когтями, может сбросить с дерева, и девочка разобьется о землю или навсегда исчезнет в холодной воде озера.

Все эти кошмарные мысли быстро проносились в возбужденном мозгу капитана и Генри в то время, как они стояли на берегу, мучительно думая о том, что ожидает несчастную Эллен.

Они уже и не мечтали увидеть ее живой. Нет! Если бы им удалось найти и предать земле хотя бы ее мертвое тело, они и то обрадовались бы - так велико было их отчаяние.

Даже Сэлу, хорошо знакомый со всеми повадками человекообразных обезьян, не мог сказать, какая судьба ожидает Эллен.

Вообще все это происшествие сильно озадачило малайца. Ему рассказывали много случаев о том, как орангутанг в припадке гнева раздирает свою жертву на куски. Однако эта обезьяна трогает человека лишь в тех случаях, когда тот первый на нее нападает. Но если ее разозлить, она бывает страшна.

Обезьяну, укравшую Эллен, сильно возбудила борьба с гавиалом. Увидев детей, она, очевидно, восприняла их появление как дальнейший этап борьбы, а крик Муртаха разжег в ней угасшую было ярость.

А может быть, как предполагал Сэлу, причиной похищения явился просто внезапный каприз животного.

Верней всего, именно так и было. Малаец в свое время много наслышался о причудах орангутангов. Даяки-охотники утверждают, что эта обезьяна, подобно людям, подвержена приступам безумия.

Мысли об этом то и дело мелькали в голове путников еще во время погони за орангутангом, и они обменивались ими, пробираясь по джунглям. Теперь же, когда преследование так неожиданно оборвалось, все остановились, подавленные горем, на берегу озера, не произнося ни слова и выражая свои чувства лишь печальными вздохами.

И хорошо, что они молчали. Это дало малайцу возможность прислушаться. Хотя обезьяна и была уже далеко, он все еще не терял надежды проследить направление ее пути по деревьям и чутко ловил каждый звук.

Прекрасно знакомый с жизнью и привычками этих обезьян, Сэлу знал, что орангутанг, кроме временных ночлегов, которые он очень быстро сооружает на любом дереве, всегда имеет постоянное гнездо.

Он устраивает его обычно над водой или болотом и выбирает для постройки низкорослое, но раскидистое дерево или большой куст, потому что на высоких деревьях

бывает слишком холодно и они сильно раскачиваются ветрами.

Поэтому, увидев озеро, Сэлу решил, что где-нибудь поблизости непременно должно быть логово орангутанга. Они отыщут его и отнимут у обезьяны Эллен, хотя бы она и была уже мертва. Он чутко вслушивался в каждый звук, раздававшийся над озером, призывая к молчанию своих спутников. Да их и не надо было уговаривать: стоя у самой воды и болезненно напрягая слух, они и так хранили гробовое молчание.

Потрескивание ветвей продолжалось не более пяти минут. Потом оно внезапно прекратилось, и послышался целый хор голосов. Тут были и фырканье, и рычание, и лай, и хохот, и пронзительный визг - словом, поднялся невообразимый гвалт. Все голоса исходили из одного и того же места. Сэлу утверждал, что один из хриплых голосов странного хора принадлежит орангутангу, похитившему Эллен. Если бы он оказался прав, это значило бы, что обезьяна наконец остановилась.

- Слава Аллаху! - глухим голосом воскликнул малаец. - Он плисол домой; его семья с ним здоловаться. Если маленькой Нелли нет зывой, мы отнимем ее тело и отомстим миас ломби.

Малоутешительные слова малайца тяжелым камнем пали на сердце капитана и его спутников. Видя это, Сэлу добавил:

- Капитан Ледвуд, не надо грустить! Нелли зыва, навелно. Миас ломби не съел ее.

Последние слова вдохнули в несчастного отца новую надежду. При мысли, что его дочь, может быть, еще жива и ее удастся спасти, он воспрянул духом.

Глава XXXIII

ВПЛАВЬ ПО ОЗЕРУ

Вместе с надеждой к капитану вернулась и вся его утраченная энергия. Он бросился исследовать глубину озера, желая узнать, нельзя ли как-нибудь по нему пройти.

Оказалось, что нет. Уже в нескольких шагах от берега вода поднималась ему до подмышек, чуть подальше - до подбородка, а по мере удаления от берега дно все больше и больше понижалось. Таким образом, пришлось отказаться от мысли идти пешком.

Редвуд отступил на несколько шагов к берегу, но продолжал, стоя в воде и устремив взор к центру озера, прислушиваться.

Станный хор все еще звучал; и, хотя он значительно ослаб и стал беднее тонами, было ясно, что существа, издающие эти причудливые звуки, все время находятся на одном и том же месте - не на деревьях, а где-то внизу, на земле или на поверхности воды. Это, конечно, могло оказаться обманом слуха вследствие отражения звука водной поверхностью. Один из голосов имел поразительное сходство с детским криком; но Эллен не могла так кричать. Голос напоминал скорее плач грудного младенца. Сэлу сразу же узнал в нем крик детеныша орангутанга. Значит, его предположение правильно: миас ромби действительно пришел домой.

Капитан Редвуд стал еще с большим жаром рваться к месту, откуда исходили звуки. Предчувствие говорило ему, что Нелли жива и ее можно спасти.

Пусть до полусмерти измученная, пусть искалеченная, лишь бы живая!

И даже если она уже при смерти, все равно он хочет ее спасти; по крайней мере, она умрет у него на руках, а не в объятиях волосатого орангутанга, под кривлянье и визг его отвратительных отпрысков.

Неважно, что по озеру нельзя идти. По нему можно плыть. И капитан поплывет. В свое время он мог проплывать большие расстояния, а до гнезда орангутанга, судя по голосам, было не более полумили и к тому же по совершенно спокойной воде, осененной деревьями.

Редвуд приготовился уже броситься вплавь, но стоявший возле него Сэлу удержал его за плечо:

- Капитан хосет плыть. Не надо плыть без лузья. Я возьму сумпитан, вы возьмете лузье, и мы оба плыть. Надо убивать миас ломби, - сказал малаец.

Редвуд и сам подумал об этом.

- Ты прав, Сэлу, - сказал он, - ружье взять необходимо. Но как пронести его сухим? У нас нет времени, чтобы сделать плот.

- Не надо плот, капитан. Сэлу понесет лузье. Он умеет плавать одной лужей.

Капитан Редвуд знал, что его темнокожий лоцман действительно умел грести одной рукой ничуть не хуже, чем сам он двумя. Ведь для малайцев вода родная стихия, и плавать им так же легко, как ходить по земле. Случись Сэлу упасть с корабля в двадцати милях от берега, он и тогда вряд ли утонул бы. Поэтому капитан тут же согласился с малайцем, и оба вернулись к берегу, чтобы взять оружие и подготовиться к плаванию.

Приготовления не отняли много времени. Редвуд снял с себя лишнюю одежду, положил в туню своей шляпы пороховницу и несколько пуль, накрепко привязал шапку к голове, взял в зубы нож - на всякий случай - и был готов.

Сэлу же снаряжился еще быстрее. Снимать с себя ему было почти нечего; поэтому, покрепче закрутив чалму, он укрепил на ней бамбуковый колчан с отравленными стрелами, а неразлучный крисс, оружие, с которым никогда не расстается ни один малаец, привязал у бедра на ремешке. Сумпикан и винтовку Сэлу взял в левую руку. Собрались очень быстро; зря не пропало ни секунды, потому что во все время сборов их подгоняли ни на секунду не умолкающие голоса обезьяньего семейства.

Пройдя мелководье и выйдя на глубокое место, малаец и капитан, быстро и равномерно работая руками, уверенно поплыли к середине озера.

Генри и Муртах остались на берегу. Ирландец вообще был неважным пловцом; мальчик же - слишком еще слаб, чтобы проплыть даже полмили. Поэтому они вряд ли доплыли бы до обезьяньего логова, а если бы и доплыли, оказались бы не в состоянии бороться с орангутангами.

И все-таки оба - и беззаветно преданный своему капитану матрос, и Генри, желавший делить с отцом все опасности - непременно отправились бы вместе с Редвудом, если бы он сам не запретил им это.

Стоя на берегу, они провожали уплывающих взглядом, в душе моля Бога о том, чтобы он помог им спасти девочку.

Глава XXXIV

ПЛАВАНИЕ В ПОТЕМКАХ

Капитан и его темнокожий лоцман быстро плыли в прохладных сумерках леса.

Вокруг было темно, как ночью. Ни один солнечный луч никогда не играл на воде этого озера - так густы были своды листвы. И если бы не голоса, отважные пловцы, наверно, заблудились бы в этом мрачном лесу.

Энергично работая руками, они обсуждали вполголоса дальнейшие свои действия. Что, если логово окажется прямо над водой? Как тогда быть с ружьем?

Ни малаец, ни капитан так и не нашли ответа на этот вопрос. Сэлу выразил только надежду, что, может быть, им удастся примоститься на ветке близко растущего к логову дерева и оттуда выстрелить в орангутангов.

На этом и пришлось пока успокоиться.

Путь был не особенно труден. Несмотря на то, что плыть приходилось в кромешной тьме и время от времени уклоняться в сторону, минуя стволы встречных деревьев, вперед продвигались довольно быстро, все время ориентируясь на голоса обезьян.

Вместо визга и хриплого хохота из логова слышалась теперь неумолчная болтовня, как будто звери держали семейный совет.

Но вот наконец пловцы оказались так близко от сборища четвероруких, что уже не боялись заблудиться. До гнезда оставалось не более сотни ярдов.

Теперь плыли молча, стараясь не шуметь и напряженно вглядываясь в темноту в поисках сука или какой-нибудь другой опоры для ног. Оба надеялись, что найти такую опору

будет совсем нетрудно: на пути то и дело попадались удобные для отдыха деревья - узловатые, с толстыми ветвями и сучьями.

Но капитан и Сэлу - оба отличные пловцы - не нуждались в передышке. Да и мог ли несчастный отец думать об отдыхе до тех пор, пока не спасет свою дочь!

И вдруг одновременно оба наткнулись грудью на что-то твердое и остановились. Толчок был настолько силен, что вывел их из горизонтального положения, в которое им не пришлось больше возвращаться: препятствие оказалось выступающим на несколько футов из воды берегом.

Почувствовав твердую почву, капитан и Сэлу поднялись на ноги и с приятным изумлением огляделись вокруг.

Это был крохотный, едва возвышавшийся над водой островок. Здесь также росли деревья, но иные, чем на озере. Те были высокие и одноствольные, а эти имели по несколько стволов; очевидно, они принадлежали к одному из видов индийской смоковницы, или баньяна.

Одно из деревьев, почти посередине острова, особенно бросалось в глаза своим внушительным видом. То был настоящий патриарх лесов, с необъятной кроной, поддерживаемой огромным количеством стволов. Однако оно привлекло внимание наших героев не столько своими размерами, как тем, что именно из чащи его ветвей и неслись те самые голоса, на которые они держали путь.

Там должно было находиться логово рыжего чудовища, а значит, и он сам со своим семейством.

Схватив ружье и шепотом приказав малайцу следовать за собой, капитан Редвуд решительно направился к дереву, сулящему близкий конец погони.

Глава XXXV

ОБЕЗЬЯНЬЕ ЛОГОВО

Вскоре оба уже стояли среди стволов-корней баньяна. На горизонтальных ветвях его было сооружено нечто вроде большой платформы, под которой тень, бросаема густой кроной дерева, была еще темнее.

Сэлу сразу же узнал в сооружении логово, или, как его называют, насест миас ромби. Он часто видел такие гнезда в лесах Суматры, где водится если и не эта же самая, то, во всяком случае, очень близкая к ней порода обезьян.

Дерево было невысокое, но с широко раскинувшимися ветвями, так что гнездо, устроенное из переплетенных между собой ветвей с настилом из травы и листьев, находилось не выше двадцати футов от земли.

Бесшумно, будто два призрака, скользили Редвуд и Сэлу в царящем вокруг полумраке; темнота благоприятствовала им, и вскоре нашлось удобное для наблюдения место.

Они взобрались на далеко выдающийся сук соседнего дерева, так что головы их оказались на одном уровне с гнездом.

При виде происходящего там сердце несчастного отца болезненно сжалось.

На платформе лежала Нелли. Во мраке особенно ярко выделялось белоснежное личико девочки, обрамленное золотистыми локонами. Платье изорвалось в клочья, и местами виднелось обнаженное тело.

Девочка лежала так неподвижно, что казалась мертвой. Сколько ни вглядывался капитан, он не мог уловить в ней ни малейшего признака жизни; глаза ее нельзя было различить в темноте; Редвуд не видел, открыты они или нет, но был уверен, что они закрыты навеки.

Возле Эллен сидели три похожие на человеческие, но отвратительно страшные фигуры, покрытые длинной рыжей шерстью, очень густой и косматой. В одной из фигур, самой большой, капитан узнал похитителя своей дочери. Вторая фигура, поменьше, была, очевидно, женой рыжего чудовища; третья, совсем еще маленькая, но как две капли воды

похожая на больших обезьян, была их детенышем. Ее-то скулящий плач и слышали путники яснее всех остальных голосов.

Старый орангутанг, утомленный борьбой с гавиалом и продолжительным бегством, сидел, скрючившись, на корточках и, казалось, спал. Обе другие обезьяны бодрствовали.

Мать время от времени подхватывала детеныша на руки и, грубо приласкав, снова отпускала его, и он продолжал свою дикую пляску вокруг тела Эллен, проделывая самые невообразимые прыжки и поминутно останавливаясь, чтобы зубами и когтями оторвать лоскут от ее платья. Детеныш забавлялся.

Это было страшное, ни с чем не сравнимое зрелище.

Редвуд не стал долго смотреть. С него было достаточно беглого взгляда, чтобы оно навсегда запечатлелось в его душе до мельчайших подробностей. Он поднял ружье, собираясь выстрелить в рыжего сатира, казавшегося ему самым опасным из всего семейства.

Еще миг - и пуля поразила бы спящего гиганта. Но Сэлу придержал капитана за руку.

- Не надо стлелять, капитан! - прошептал он. - Сэлу стлелять. Сумпитан лутьсе, сем пуля. Лузье бум, бум! Лазбудит миас ломби. Сумпитан тихо стлелять. Сэлу убьет всех тлоих.

Уверенность, с какой убеждал его малаец, подействовала на Редвуда. Он опустил винтовку и предоставил Сэлу поступать как ему заблагорассудится.

Заняв место капитана, откуда открывался вид на столь мучительную для Редвуда сцену, малаец лишь мельком взглянул на нее. Но и этого беглого взгляда оказалось вполне достаточно, чтобы он мог наметить первую жертву. Выбор его пал на ту же самую обезьяну, которой капитан только что собирался послать свинцовый гостинец.

Прижав к губам отверстие заряженного сумпитана и сильно в него дунув, малаец выпустил отравленную стрелу.

Она вылетела с такой быстротой, что даже при полном дневном свете произвела бы впечатление ружейной вспышки, и неслышно промчалась в окутывающей гнездо темноте.

Полет сумпита столь же беззвучен, как полет ночной совы.

Капитан и малаец слышали, правда, звук, но то был не выстрел. До них донеслось ворчанье орангутанга; почувствовав, как что-то кольнуло его, и приняв это, вероятно, за укус москита или осы, он почесался. Обнаружив обломок стрелы, обезьяна раздраженно шевельнулась, однако не нашла нужным прерывать свой сон. И даже после того, как в ее тело вонзилась вторая, а затем и третья стрела, она каждый раз ограничивалась почесыванием уязвленных мест: начинало сказываться наркотическое действие яда, которое должно было вскоре окончиться непробудным смертельным сном.

Так и случилось. Немного спустя рыжее чудовище лежало неподвижно, вытянувшись во весь рост на платформе, так долго служившей ему насестом. Огромное тело обезьяны было совершенно инертно и мягко, только ноги ее слегка подергивались в предсмертных судорогах.

А вскоре та же участь постигла и подругу рыжего сатира. На нее яд анчара подействовал еще быстрее - от этого яда нет спасения, стоит ему проникнуть в кровь.

Уничтожив больших обезьян, малаец не пожелал расходовать лишней стрелы, чтобы убить детеныша, и они с капитаном вскочили на платформу.

Редвуд бросился к дочери; опустившись на колени, он прижал ухо к ее груди, чтобы узнать, бьется ли сердце.

Сердце билось!

Глава XXXVI

СВОЕОБРАЗНЫЙ ПАЛАНКИН37

- Слава Богу, она жива! - были первые слова, услышанные Муртахом и Генри.

И Сэлу, выплыв на берег, рассказал им обо всем случившемся. Более того, они узнали, что Эллен жива и пришла в сознание после длительного обморока, который, начавшись с момента похищения, избавил ее от тяжелых переживаний. Кроме нескольких царапин и боли

от мощных объятий орангутанга, у девочки не оказалось никаких повреждений - по крайней мере, серьезных.

Малаец приплыл, чтобы с помощью Муртаха соорудить плот для перевозки Эллен.

Бамбук рос тут же под рукой; ирландец, будучи искусным плотником, очень быстро соорудил под руководством малайца большой плот, и Сэлу отправился на островок за Эллен и капитаном.

Увидев возвращающийся плот и не в силах дожидаться, пока он пристанет к берегу, Генри бросился вплавать ему навстречу; взобравшись на бамбуковый настил, он крепко обнял сестренку.

Какая разница была между этими неожиданными братскими объятиями и хваткой длинных, волосатых рук орангутанга!

Случай с орангутангом совсем подорвал и без того не вполне восстановившиеся силы Эллен. Отец считал, что, прежде чем пускаться в дальнейший путь, необходимо дать ей хорошенько оправиться. Однако место, где они находились, было совсем не пригодно для привала: не говоря уже о связанных с ним тяжелых воспоминаниях, там было слишком темно и сыро.

Капитану Редвуду хотелось поскорей его покинуть. Но как быть с Эллен? Она не могла идти. Малаец и тут нашел выход из положения. Он предложил сделать для девочки носилки, на которых ей будет удобно лежать - не хуже, чем какой-нибудь богатой яванке или японке в роскошном паланкине.

- Так делайте же их скорее! - воскликнул ни на миг не отходивший от дочери капитан, который не мог наглядеться на свою девочку.

Получив разрешение, Сэлу тут же приступил к работе. Муртах с радостью стал помогать, и скоро у их ног лежало десятка два бамбуковых палок для постройки паланкина.

Сэлу разрезал палки на отрезки нужной длины и скрепил в форме носилок с двумя длинными рукоятками на каждом из четырех концов. Это сооружение не было паланкином в полном смысле слова. Паланкин должен иметь навес для защиты от дождя и солнца. Но так как дождя не предвиделось, солнца же под лиственными сводами джунглей и вовсе не приходилось опасаться, Сэлу решил не делать навеса. Зато он постарался сделать носилки как можно эластичней и мягче, тщательно выбрав для них самые гибкие палки и устлав толстым слоем листьев и мягкой, как гагачий пух, ватой, собранной с росшего вокруг сиамского хлопчатника.

Уложив Эллен на эти носилки, ее понесли по тем самым местам, где еще так недавно ей пришлось проделать столь необычное и мучительное путешествие в качестве пленницы орангутанга.

В этот же день перед закатом все снова увидели приветливый свет солнца; его прощальные лучи осветили бледное личико Эллен, когда носилки поставили под тем самым деревом, откуда ее унесла обезьяна.

Глава XXXVII

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Молодой организм Эллен быстро справился с недомоганием после страшного путешествия по джунглям в объятиях орангутанга.

Все пережитые ею опасности и невзгоды, начиная с кораблекрушения, сделали ее выносливой, как взрослую, закалили ее душу, и это также немало способствовало тому, что она сравнительно легко перенесла последнее испытание.

Не привыкни Эллен уже давно ко всевозможным ужасам, она вряд ли выжила бы теперь; а если бы и осталась в живых, могла бы лишиться рассудка.

Однако ничего подобного, как мы знаем, не случилось; и уже на третий день по возвращении под дерево маленький отряд капитана Редвуда был в состоянии возобновить путешествие.

Более того, они имели возможность сделать это со свежим запасом продовольствия: охота Редвуда и Сэлу в день похищения Эллен оказалась очень удачной. Им удалось убить оленя, кабана и несколько больших птиц, годных как для варки, так и для жаркого.

И при этом капитан Редвуд не израсходовал ни единой пули.

Все, что они убили, было подстрелено Сэлу из его беззвучного оружия.

Тяжело нагруженные всей этой дичью, они уже возвращались с охоты, но, услышав еще издали отчаянные крики Муртаха, Эллен и Генри, бросили добычу и побежали на голоса.

Теперь же, когда тревога улеглась и все вошло в свою колею, они вспомнили о покинутой дичи. Сэлу с Муртахом отправились на ее поиски и, очень скоро отыскав, притащили к своему временному лагерю.

Пока Эллен выздоравливала и набиралась сил, люди занялись дичью; ее приготовили таким образом, чтобы она не портилась и ее хватило на все путешествие, если бы, конечно, оно опять не затянулось из-за какого-нибудь непредвиденного препятствия. Одной только птицей можно было питаться несколько дней. А имея к тому же в своем распоряжении кабанье сало, птицу можно было чудесно зажарить.

В путь тронулись в самом прекрасном расположении духа. Казалось, что судьба устала наконец преследовать их, ежедневно угрожая смертью то одному, то другому. Поблизости от места, где так трагически прервалось путешествие, капитан и его спутники нашли удобную тропу через оставшуюся непройденной часть равнины и отправились по ней.

Во время пути им не раз попадались следы орангутанга, а однажды они увидели и самого представителя этой породы обезьян, который следил за ними сверху сквозь ветви.

Однако на сей раз никто из них не испугался. Сэлу сказал, что это не миас ромби, как он думал, судя по его поведению, а миас паппан.

Малаец признался, что его и самого сильно озадачил поступок обезьяны, причинившей им столько тревог. Миас паппан никогда не похищает людей. Очевидно, орангутанга что-то вывело тогда из себя - вернее всего, борьба с гавиалом, и он схватил девочку в приступе бешенства.

И все же, несмотря на свою безобидность, эти гигантские четверорукие довольно опасны. Благодаря необычайной силе они, в припадке ярости, способны причинить чудовищное опустошение и вред. К счастью, это случается очень редко, и, если их не тревожить, они человека не тронут.

Встречался путникам и другой вид орангутанга - миас кассио. Эта обезьяна гораздо меньше и смирнее, чем та, которая утащила Эллен.

Но самый крупный из орангутангов - страшный миас ромби, которого они так и не видели, хотя малаец уверял, что эта обезьяна водится в лесах Борнео и Суматры.

Как мы знаем, орангутанг устраивает гнездо на ветвях крупного кустарника и низкорослых деревьев, растущих на болотистой почве или в небольших мелководьях, делая это с целью защиты от человека - единственного опасного для него врага.

Таким образом, равнина, по которой шли наши путники, с покрывающими ее джунглями и многочисленными, поросшими лесом болотами, представляла самое подходящее место для обитания этой породы обезьян.

Глава XXXVIII ДРУЖЕСКИЙ ФЛАГ

Начав свой путь поздним утром, к вечеру того же дня наши герои закончили переход через равнину и прошли порядочное расстояние вверх по склону замыкающего хребта.

На следующий день они проделали длинный и утомительный подъем на гору до самой вершины.

Гора эта представляла собой часть длинного хребта, протянувшегося, как утверждают географы, с севера на юг вдоль всего острова.

Далеко на севере хребта вырисовывалась одна из его вершин, огромная, почти в 12

тысяч футов высоты, гора Кипибалу.

Но, что самое главное, все пространство к западу от хребта не представляло никаких видимых препятствий для достижения цели всего их пути - древней малайской столицы Бруней, или, говоря точнее, расположенного немного северней этой столицы острова Лабуан.

Капитан Редвуд знал, что над этим островом развевается флаг дружественного его родине государства, где все они найдут верную помощь.

Ориентируясь на Кипибалу, плоская вершина которой резко выделялась среди других вершин хребта, они могли теперь не опасаться, что потеряют направление. С того места, где они находились, весь путь был виден как на ладони. Переночевав на гребне горы, утром путешественники начали спускаться по ее западному склону.

Восходящее солнце, окрасившее в алый цвет простиравшуюся перед ними внизу долину, скрылось на время за массивом горы; но уже вскоре дневное светило поднялось выше, и лучи его ярко озарили весь путь.

Наши герои бодро, уверенной поступью шли вперед, облаканные живительным светом.

Они совсем уже оправились и окрепли, и все было бы прекрасно, если бы не страх перед себе подобными существами, этими ужасными даяками, о которых путешественники по Борнео рассказывают столько страшных историй.

Но капитану и его спутникам так и не пришлось проверить на себе справедливость этих рассказов. Их злая звезда осталась по ту сторону гор, и наконец-то судьба им улыбнулась.

Однако и теперь они боялись положиться на судьбу и всячески избегали встреч с туземцами, прячась при первом намеке на опасность и пускаясь дальше лишь тогда, когда могли быть вполне уверены, что путь свободен.

Сэлу, умевший незаметно, с бесшумной ловкостью змеи пробираться среди зарослей, всегда шел впереди. Так, перебегая от холма к холму, продвигались они вперед, следя за тем, чтобы не свернуть с прямого направления на запад.

После нескольких дней полного трудностей пути перед ними неожиданно встал крутой горный кряж. Пришлось опять карабкаться. Но, преодолев его, путники были щедро вознаграждены.

Внизу, чуть налево, их взорам предстал старинный малайский город Бруней, своеобразной архитектуры, окруженный деревянной стеной. Направо от него, по ту сторону узкого залива, находился остров Лабуан, над высокими постройками которого развевалось древнее знамя Британии.

Капитан Редвуд приветствовал это знамя с такой же радостью, как если бы оно было флагом его любимой родины.

Сейчас, по крайней мере, оно было ему не менее желанно, чем флаг Америки, и потому, не задумываясь над различием между ними, Редвуд с детьми опустился на колени (малаец с Муртахом стояли немного поодаль) и вознес благодарственную молитву всемогущему Богу, спасшему их от всех превратностей судьбы.

К О Н Е Ц

Набрано: 06.08.1998 23:35

Коррекция: 20.09.1998 13:58

1 Пинасса - большая лодка с парусом и веслами.

2 Рыба-молот справедливо считается безобразнейшим из морских хищников. Но это можно отнести только к внешнему виду: внутренняя организация животного представляет прекрасную и поразительную по своей целесообразности гармонию всех частей. Туловище рыбы-молота имеет обычную для акул цилиндрическую форму. Единственным характерным отличием является форма головы, сильно растянутой в боках и напоминающей кузнечный молот. На концах выступов сидят огромные глаза. Рыба-молот необычайно свирепа и

прожорлива. Встречается в Индийском океане и Средиземном море. (Примеч. автора.)

3 Румпель - рычаг для поворачивания руля.

4 Кабельтов - мера длины, принятая в морском деле; равна 185,2 метра. Американский кабельтов равен 219 метрам.

5 Альбатрос - крупнейшая из морских птиц. Размах ее крыльев - пятнадцать футов (фут - около 30,5 сантиметра), а вес тела достигает иногда двадцати двадцати четырех фунтов (фунт - 400 граммов). Оперение альбатроса белое, за исключением нескольких маховых перьев; его длинный, необычайно твердый и мощный клюв окрашен в светло-желтый цвет, а короткие перепончатые лапы телесного цвета. Альбатросы часто встречаются над морями Южного полушария. Птица, о которой идет речь в нашей книге,- так называемый черноклювый альбатрос; он предпочитает Индийский океан. Альбатрос - опасный враг моряков. Человек, упавший за борт, рискует стать жертвой этой могучей птицы, если товарищи тут же не придут ему на помощь. Крик альбатроса имеет некоторое сходство с криком пеликана. Но когда эта птица возбуждена, ее голос напоминает рев осла. Самка альбатроса устраивает свое примитивное гнездо прямо на земле, где-нибудь на морском берегу, и кладет в него одно-единственное яйцо. Оно четырех дюймов длины, белое, с крапинками на широком конце. (Примеч. автора.)

6 Дюгонь - крупное морское млекопитающее отряда сирен; водится в Индийском океане и Красном море.

7 Шпангоуты - ребра судна, на которых крепится корпус.

8 Шкот - снасть для натягивания нижнего угла паруса.

9 Трайсель - парус, поднимаемый вместо обычного грота при сильном ветре.

10 Не желая прерывать ход рассказа отступлениями в область естественной истории, я предпочел выделить описание дюгоня в особое примечание. Это своеобразное млекопитающее из отряда травоядных китов, или сирен. Животное, встреченное героями нашей книги, называется "индийский дюгонь", оно живет лишь вблизи берегов. Своей массивностью дюгонь напоминает слона, устройство же пищеварительного аппарата позволяет ему питаться лишь растительной пищей, то есть водорослями. Всплывая на поверхность моря, чтобы набрать в легкие воздуха, дюгонь издает специфический крик, похожий на мычание коровы. Некоторые утверждают, что длина дюгоня достигает двадцати футов; однако мало кто видел дюгоня больше двенадцати футов. (Примеч. автора.)

11 Тайфун - ураган большой разрушительной силы, возникающий в южных и восточных морях Азии.

12 Мадрепоры - каменистые кораллы.

13 Сингапурская устрица является гигантским представителем двустворчатых. (Примеч. автора.)

14 Ярд - около 91 сантиметра.

15 Дюйм равен 2,5 сантиметра.

16 Конхиология - наука о моллюсках.

17 Дуриан - название произрастающего в Ост-Индии дерева и его плодов. Плоды эти, величиной с дыню, густо усеяны толстыми коническими шипами; содержащаяся под плотной кожурой плода мякоть кремового цвета съедобна и очень вкусна, хотя к этому плоду и нужно привыкнуть; первоначально дуриан может не понравиться, так как он оставляет во рту резкий запах чеснока.

18 Даяки - одно из индонезийских племен.

19 Добавим ко всему сказанному о дуриане, что это растение принадлежит к семейству бомбаксовых, куда относятся баобаб и хлопковое дерево. Ствол дуриана очень высок, его листья похожи на листья вишни, а светло-желтые цветы висят крупными гроздьями. Дерево приносит ежегодно до двухсот плодов, и в каждом плоде содержится десять - двенадцать семян величиной с голубиное яйцо. В поджаренном виде семена дуриана столь же вкусны, как жареные каштаны, на которые они очень похожи. (Примеч. автора.)

20 Бенши, которую называют иногда "кричащей женщиной", - вымышленное существо,

согласно ирландскому поверью, предсказывающее своим криком смерть. (Примеч. автора.)

21 Римляне начинали свою трапезу яйцами и кончали десертом. (Примеч. автора.)

22 Джонка - плоскодонное парусное судно.

23 Крисс - малайский кинжал с зигзагообразно изогнутым клинком.

24 Герпетология - наука о пресмыкающихся.

25 Новым Светом было принято называть Америку после ее открытия, а Старым Европу, Азию и Африку.

26 Пашот - яйцо без скорлупы, сваренное в кипятке.

27 Сикомор - дерево из семейства тутовых со съедобными плодами и крепкой древесиной; растет в Восточной Африке.

28 Заболонь - наружный слой древесины.

29 Грот-мачта - главная мачта корабля.

30 "Собачья дыра" - отверстие в корабельном марсе.

31 "Вильгельм Телль" - драма немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759-1805), названная по имени ее главного героя.

32 Путешественники XVIII и начала XIX века рассказывали о сказочной ядовитости анчара. Уверяли, что всякое живое существо, приблизившееся к страшному дереву, отравляется его испарениями, что самый воздух около анчара ядовит. Во времена Майн Рида в эти сказки еще верили, не было причин не верить им и Майн Риду, а потому он и заставил своих героев пострадать от анчара. На самом деле сок анчара очень ядовит (малайцы отравляли им стрелы), но и только. Сидеть или лежать под анчаром столь же безопасно, как и под березой.

33 Меласса - черная патока, отход сахароваренной промышленности.

34 Игуаны - семейство ящериц, обитающих в Южной, Центральной и отчасти в Северной Америке. Достигают в длину 1,8 метра. Мясо игуан употребляется в пищу.

35 Саиб - титул, прибавляемый к именам высокопоставленных лиц.

36 Сатир - одно из низших божеств в древнегреческой мифологии.

37 Паланкин - носилки в форме кресла или ложа, укрепленные на двух длинных шестах, концы которых кладутся на плечи носильщиков.